

Зима А. Г. О характере восстания 1916 года в Киргизии: (Доклад на Науч. конф. историков Киргизии, май 1953 г.) // Тр. Ин-та языка, литературы и истории / Кирг. филиал АН СССР. - 1954. - Вып. 4. - с. 89-113.

турецких агентов, прибывших в Турцию, и занимавшихся здесь распространением идей панисламизма и пантюркизма. Так, например, в секретном рапорте Верненского уездного начальника военному губернатору говорится, что в 1907 году турецко-подданный „Сеид“, выдавая себя за потомка Магомета, в сопровождении самого влиятельного муллы Пишпекского уезда Закира Вагалова, объехал всю Семиреченскую область. В рапорте указывается, что „Сеид“ манапами и баями везде встречался торжественно и когда он прибыл в Пржевальск, то на третий день после его приезда собрались тысячи киргизов, перед которыми он выступал и собирал деньги. Когда военный губернатор отдал приказ об аресте „Сеида“, то он внезапно исчез, появившись затем в Токмаке, где он поселился „у местного муллы, встречаясь ежедневно с местным богачем Якушевым и всеильным маналом Шабданом Джантаевым“.¹

Указывается также, что в том же 1907 году в Пржевальске была открыта мусульманская библиотека и образовано „Благотворительное мусульманское общество“ и что „членами общества записались татары, узбеки и все манапы 11 волостей, расположенных по берегам озера Иссык-Куль. В председатели этого общества был избран сильнейший манап Джеты-Огузской волости Балтабай“.²

Таким образом, посещение „Сеида“ осталось не безрезультатным, ему удалось помимо всего прочего создать очаг распространения идей панисламизма и пантюркизма через членов „благотворительного“ мусульманского общества, созданного в Пржевальске.

О приезде турецких агентов в Киргизию в последующие годы говорится также в совершенно секретном рапорте Токмакского участкового пристава на имя начальника Пишпекского уезда от 18 декабря 1909 года, где указывается, что „периодически наблюдались появляющиеся в Токмакский участок лица, называющие себя потомками Магомета „Саидами“... Приют находили у влиятельных местных ту-

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с., оп. 1, д. 578, л. 127.

² Там же.

А. Г. Зима

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В КИРГИЗИИ

Величайшие задачи коммунистического строительства, поставленные XIX съездом партии, неразрывно связаны с задачей дальнейшего повышения идейного уровня советских людей, с задачей искоренения всего того, что в идейном отношении мешает коммунистическому строительству, и всяческого развития того, что способствует этому строительству.

Благодаря вмешательству ЦК КПСС во многих областях науки были разоблачены различные проявления буржуазной идеологии. Дискуссии по философии, биологии, политэкономии и др. вскрыли серьезные идеологические прорехи в различных областях науки. После постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам, благодаря развернувшейся критике и самокритике было немало вскрыто ошибок, извращений и разоблачено чуждых взглядов в области истории.

Среди многих вопросов, по которым допускались серьезные ошибки и извращения, был и вопрос о характере национальных движений. За последние годы историки стали более глубоко изучать сущность и характер национальных движений. В ряде республик были проведены дискуссии по данному вопросу.

В теории и практике нашей Коммунистической партии вопрос национально-освободительной борьбы угнетенных народов всегда занимал важное место. При этом данный вопрос рассматривался не абстрактно, а конкретно с точки зрения интересов революционного движения. До Великой Октябрьской социалистической революции борьба угнетенных народов за свое освобождение являлась составной частью борьбы пролетариата за победу социалистической революции, за диктатуру пролетариата. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции национально-освободительное движение угнетенных народов стало неотъемлемой частью борьбы трудящихся всего мира против империалистического гнета.

Но, как известно, марксизм-ленинизм не все национальные движения считает освободительными, революционными, а только те, которые усиливают революционное движение и ослабляют силы реакции. Марксизм-ленинизм учит, что в условиях империализма освободительным движением является то, которое направлено на свержение империализма. Те же национальные движения, которые противо-

печат революционному движению и помогают отживающим силам общества, являются реакционными.

С точки зрения этих основных положений марксизма-ленинизма должен рассматриваться вопрос о характере восстания киргизов в 1916 году.

Настоящий содоклад не претендует на всестороннее и детальное рассмотрение всего круга вопросов, связанных с восстанием 1916 года. Для этого нужны усилия многих исследователей—историков, литературоведов и других. Задачей содоклада является рассмотрение одного принципиального вопроса: о характере восстания 1916 года в Киргизии. Все другие вопросы будут рассматриваться под углом зрения этой основной задачи.

I. Об ошибках в освещении восстания 1916 г.

Из национальных движений в Средней Азии в эпоху империализма восстание 1916 года является наиболее крупным. К сожалению, оно до сих пор не явилось предметом глубокого изучения историков и литература, ему посвященная, представлена главным образом журнальными и газетными статьями. Поверхностное и зачастую ошибочное освещение восстания 1916 года объясняется слабой изученностью указаний марксизма-ленинизма о характере национальных движений, а также документальных материалов об этом восстании.

Изучение восстания 1916 года имеет свою историю. До 1934 года литература по данному вопросу изобилует противоречивыми, ошибочными, а иногда и чуждыми взглядами. В некоторых статьях того периода восстание 1916 года рассматривалось как результат провокации царского правительства (Бройдо), другие авторы все сводили к влиянию панисламистов. Некоторые историки некритически восприняли и повторяли националистические утверждения об антирусском характере восстания 1916 года.

Решения партии и правительства о преподавании гражданской истории в школах СССР и замечания Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника по истории СССР разоблачили и разгромили т. н. „школу“ Покровского и способствовали дальнейшему упрочению исторической науки на твердой основе марксизма-ленинизма. После этого советские историки обратили серьезное внимание на необходимость показа условий и истоков национально-освободительного движения угнетенных народов и неразрывной связи его с Великой Октябрьской социалистической революцией. Ими давалась уже в основном правильная оценка восстания 1916 года, как национально-освободительного. Вместе с тем в силу недостаточной изученности этого вопроса, не были раскрыты особенности восстания в отдельных районах Средней Азии, не была раскрыта враждебная деятельность местных эксплуататоров, пытавшихся оторвать народы Средней Азии от русского народа и закрыть им путь к освобождению.

Серьезные недостатки и ошибки допустили в этом вопрос историки советских республик Средней Азии и в их числе историки Киргизии. Это восстание они изучали узко, в пределах отдельных республик, в отрыве от развития его в целом в Средней Азии. Не раскрывалась достаточно глубоко и всесторонне конкретная историческая обстановка накануне восстания, слабо показывалась противоположность

интересов трудящихся масс и эксплуататорских верхов коренного населения, не были раскрыты политические интересы, цели и политические связи местной верхушки. Вместе с тем не подчеркивалась в должной мере необходимость для угнетенных народов тесного союза с рабочим классом. В неоднократно публиковавшихся тезисах, материалах, статьях, брошюрах и сборниках, посвященных восстанию 1916 года, многие важные моменты, связанные с этим вопросом, не получили своего освещения и оценки. Так, историки Узбекистана не разоблачили в свое время реакционную сущность выступления феодально-клерикальных групп в Джизаке и своим безоговорочным утверждением о том, что джизакское выступление являлось кульминационным пунктом восстания, усугубляли свою ошибку.

В многочисленных статьях о восстании 1916 года, написанных историками Казахстана, а также в 1 томе „Истории Казахской ССР“, совершенно не затрагивался вопрос о враждебной деятельности феодально-байских групп, стремившихся вопреки народным интересам к обособлению от России.

Не избежали ошибок по вопросу о восстании 1916 года и историки Киргизии. Среди немногочисленных работ по данному вопросу, написанных за последние 10—15 лет, всего лишь одна представляет специальное исследование—это кандидатская диссертация Д. Меджитова „Восстание киргизов в 1916 году“, остальные работы—небольшие журнальные и газетные статьи, которые не имеют под собой глубоко изученного документального материала и ряд утверждений в них бездоказательны.

В этих статьях содержатся и ошибочные полсжения. Так, в моей статье в „К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии“ участие отдельных манатов и баяв в восстании объясняется только страхом их перед восставшими, что является не только односторонним, но и ошибочным, поскольку не показаны реакционные цели манатов в восстании.

Не избежал, к сожалению, недостатков и ошибок Д. Меджитов, специально занимавшийся изучением этой проблемы. Недостатком его вышеуказанной работы является недооценка восстания на юге Киргизии. Выступлению на юге уделено всего 4 страницы всей диссертации, преувеличено значение восстания в северных районах Киргизии в сравнении с остальными районами Средней Азии, неправильно дана периодизация восстания, не раскрывается реакционный характер восстания, поднятого манатами и их представителями (Макуш Шабданов, Канаат Абукин, Батырхан), которые ошибочно называются руководителями национально-освободительного восстания.

За последние три года началось более глубокое изучение национальных движений в Средней Азии, в том числе и восстания 1916 года, и историки начинают вскрывать допущенные в этом вопросе ошибки в целях правильного его освещения. Большое значение для нас имеет труд Б. Г. Гафурова—„История таджикского народа“ и рецензии на эту работу, помещенные в журнале „Коммунист“, № 1, 1952 г. Проспект II тома „Истории народов Узбекистана“, подготовляемого к 2 изданию, и макет 3 издания „Истории Казахской ССР“ свидетельствуют о том, что историки среднеазиатских республик серьезно занялись изучением этого вопроса.

Первые попытки в этом направлении имеются и в нашей республике. В последнем, III выпуске „Трудов“ ИЯЛИ в статье „О не-

которых вопросах истории киргизского народа дооктябрьского периода" правильно говорится о необходимости всестороннего изучения характера восстания 1916 года в Киргизии и раскрытия реакционных целей манапства в этом восстании. Но авторы этой статьи, С. Ильясов и Г. Нуров, допустили при этом грубую ошибку, утверждая, что „В Северной Киргизии во главе движения с самого начала стали крупные киргизские манапы“ (стр. 167). Таким утверждением отрицается начисто национально-освободительный характер восстания в названных районах и освободительная борьба киргизского народа объявляется реакционной.

II. Условия и истоки восстания 1916 года в Киргизии

Восстание 1916 года в Киргизии являлось составной частью мощного народного восстания, развернувшегося во второй половине 1916 года на огромной территории Туркестанского края. Это восстание было порождением эпохи империализма, неизбежным, закономерным результатом той системы гнета, которая складывается в колониях при империализме.

Причины, а, следовательно, и характер восстания в Киргизии определились двумя основными фактами: во-первых, колониальным положением Киргизии, господством в ней русского военно-феодалного империализма и, во-вторых, патриархально-феодалным гнетом местной эксплуататорской верхушки. Накануне и особенно в условиях первой мировой войны этот двойной гнет достиг особой силы, что и вызвало волну народного восстания.

Эта связь между эпохой империализма и нарастанием национально-освободительного движения угнетенных народов со всей глубиной раскрыта Лениным и Сталиным. И. В. Сталин в тезисах по национальному вопросу к XII съезду партии геннально раскрыл эту связь, показав, что история буржуазных многонациональных и колониальных государств в эпоху империализма наполнена борьбой двух тенденций: тенденцией к хозяйственному сближению, объединению народов и тенденцией к уничтожению насильственных форм этого объединения, тенденцией к объединению народов на началах сотрудничества и добровольного союза.

Характеризуя первую тенденцию И. В. Сталин писал: „Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства“ (Соч., том 5, стр. 181).

Поэтому вхождение Киргизии в состав России являлось прогрессивным событием в жизни киргизского народа, поскольку способствовало его экономическому и политическому развитию, уничтожению хозяйственной замкнутости и национальной обособленности и сближению с другими народами и, прежде всего, с русским народом.

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в. сопровождалось его распространением на окраины. В Туркестанском крае, составной частью которого являлась Киргизия, активную деятельность развили крупные текстильные, угольные и нефтяные фир-

мы и общества, государственные и частные банки, торговые предприятия. Проникал сюда и иностранный капитал, особенно немецкий. После присоединения к России здесь стала развиваться и расти торговля, прокладывались тракты, изучались естественные богатства, строились города. Крестьянская колонизация также способствовала развитию капитализма, поскольку хозяйство русских переселенцев развивалось на товарно-капиталистической основе, что не могло не оказывать влияния на натуральное хозяйство киргизов в смысле его разложения. В том же направлении оказывала влияние торговля и начавшаяся развиваться капиталистическая промышленность. Официальная статистика предвоенных 1912—1913 годов отмечает, что „Зажиточные и богатые группы носят уже все признаки денежного хозяйства, скотоводство у них развито в такой степени, что имеет ясно выраженный промышленный характер“. Изменение в киргизском хозяйстве проявлялось также в повышении роли земледелия, в развитии хлопководства, в переходе части киргизских дехкан к оседлости. в результате чего стали появляться оседлые киргизские поселки, а часть оседавших селилась совместно с русскими крестьянами. Показателем воздействия капитализма на киргизское хозяйство являлись продажа и наем рабочей силы, развитие в нем элементов торгового и промышленного предпринимательства, а также появление первых зачатков кадров промышленных рабочих из киргизов. Несомненно, это был прогрессивный процесс, способствовавший сближению киргизского народа с русским народом.

Но хозяйственный прогресс при империализме идет в колониях мучительным путем для трудовых масс. Отмечая это, И. В. Сталин писал: „Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми. Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба „цивилизованных“ наций между собой за господство над народами „нецивилизованными“, — таковы те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов“ (Соч., т. 5, стр. 181—182). Все эти ужасы империалистического гнета испытал на себе и киргизский народ. Ленин и Сталин справедливо называли царскую Россию тюрьмой народов, а царизм — палачом трудящихся масс нерусских национальностей.

Положительное, прогрессивное в развитии Киргизии после ее присоединения к России происходило вопреки желанию и стремлению царизма и выражало объективный ход развития. Царизм же, русские помещики и буржуазия не только не способствовали экономическому прогрессу Киргизии, а всячески его задерживали. Вследствие этого, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции Киргизия была одним из наиболее отсталых колониальных районов. Промышленность была слабо развита и носила типично-колониальный характер: развивались преимущественно предприятия по первичной обработке продуктов сельского хозяйства. Киргизия являлась сырьевой базой и рынком сбыта для русского промышленного и торгового капитала. Воздействие капитализма на киргизское, особенно дехканское, хозяйство осуществлялось главным образом посредством торго-

вого и ростовщического капитала, создававшего особенно кабальные и тягостные формы эксплуатации киргизского дехканства. Колхозник Тянь-Шанской области, Куланакского района, Казоболотов Соке в своих воспоминаниях рассказывает, как попадали бедняки-киргизы в кабалу к ростовщикам, баям. Когда ему пришлось уплатить налог в 4 рубля, то он никак не мог найти таких денег, и только взяв взаймы пять баранов бая Усена, мог заплатить этот налог. А через год, не вернув взятых баранов, которые с процентами составляли уже 10 баранов, он нанялся к баю пастухом и проработал 3 года до самой Великой Октябрьской социалистической революции. (ИЯЛИ КирФАН СССР, ф. рукописей, инв. № 1519).

Царизм с первых шагов своего господства в Киргизии стал захватывать земли киргизского дехканства, что явилось одной из основных причин восстания 1916 года в Киргизии. До первой русской революции царизм в целях укрепления своего военно-политического господства в Киргизии всячески насаждал здесь кулацкие элементы путем переселения сюда крестьян и создания Семиреченского казачества, отбирая для них лучшие земли у киргизских дехкан. Указывая на эту политику царизма И. В. Сталин писал:

„Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений“ (Соч., 5, стр. 26).

В годы столыпинщины изъятие земель приняло характер экспроприации. В этом признавалась и высшая администрация края. Так, Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин во время поездки по краю после восстания 1916 года, будучи в Пишпекке, записал в своем дневнике: „Киргизы, последние 30 лет и особенно последние 12 лет теснились во всех направлениях. У них с 1884 года только по Семиреченской области отобрано несколько миллионов десятин земли, часто без разбора, нужны или не нужны жизненно эти земли киргизам“ (Красный Архив, т. III (34), 1929 г.). Часть отобранной земли была передана под переселенческие поселки, но крестьянская беднота получила незначительные наделы и зачастую малопригодную для хлебопашества землю. Поэтому часть переселенцев возвращалась на старые места жительства. Большая же часть земли попала в руки чиновников-дворян, кулаков, манапов и баев, на которой создавали хутора. Так, во „всеподданнейшем“ отчете губернатора Ферганской области за 1913 год отмечалось, что за один этот год в области возникало свыше 200 хуторов. В 1914 году в Пишпекском уезде насчитывалось 64 хутора, принадлежавшие чиновникам-дворянам, киргизским манапам и кулакам. Несколькими хуторами владел Велецкий, возглавлявший переселенческое дело в Семиречье; у полковника Эгерта было 12 хуторов с общим количеством земли в 532 десятины, у манапа Курмана Лепесова хутор в 138 десятин, у манапа Шабдана—в 402 десятины. Недалеко от Пишпека владели хуторами кулаки Попенковы.

Царизм под предлогом необходимости устройства переселенцев отнимал земли у киргизских дехкан и образовывал так называемые казенные дачи, скотоводческие участки, которые затем сдавались в аренду. В период 1913—1915 гг. по Семиреченской области только под скотоводческие участки было отобрано 1800000 десятин земли. По Пишпекскому уезду в 1913 году было изъято 190053 де-

сятины, а по Пржевальскому—84774 десятины пастбищных земель. Попадали эти земли все тем же чиновникам-дворянам, обзаведившимся хозяйством помещичьего типа, крупным скотовладельцам, конезаводчикам и кулакам. Расхищение земель было столь значительно, что вызывало даже у таких колонизаторов, как генерал-губернатор Куропаткин, опасение, что это будет повторением истории знаменитых „башкирских земель“. Лишение земли было губительным для киргизского народа. Указывая на это, И. В. Сталин писал: „Результаты этой политики—постепенное вымирание вытесняемых в дебри местных коренных жителей (киргизы, башкиры) Соч., т. 5, стр. 26).

Лишая киргизский народ земли и тем самым подрывая основы его хозяйственной жизни, царизм вместе с тем грабил и обирал его. На плечи киргизского дехканства ложилась целая система налогов: кибиточная и оброчная подати, земский сбор, отчисления на содержание волостной киргизской администрации, на постройку мелких мостов и ремонт арыков, на поставку юрт и баранов для воинских частей, на исправление дорог и т. п. В 1908 году киргизское население 4-х уездов—Пишпекского, Пржевальского, Ошского и Андижанского—уплатило около полумиллиона рублей одних кибиточных и земских сборов. Не меньше собиралось налогов на содержание штата волостного управления и арычной администрации. Но еще невыносимей были неофициальные поборы. Для царских чиновников и волостной администрации киргизский трудовой народ представлял источник обогащения, что достигалось с помощью открытого насилия. Обирали народ уездные начальники, участковые приставы, обирали волостные и айльные управители и др. Киргизский народ был беззащитен перед этим произволом.

Экономический гнет сопровождался политическим гнетом. Киргизский народ не имел никаких политических прав, царизм противодействовал его национальной консолидации. Разбросанный по разным областям края без учета хозяйственных и бытовых особенностей, киргизский народ был выделен в так называемую „инородческую группу“ и разделен на волости и айлы. Над киргизским народом довел неограниченный произвол царских властей, от которого он не мог найти нигде защиты. Всякие жалобы и прошения на произвол и издевательства местной администрации, уездной и волостной, оставались без ответа или вызывали еще большие насилия. И трудящиеся убеждались в бесплезности искать защиты у царских властей. Так, в одной жалобе жителей Ошского уезда на уездную и волостную администрацию говорилось: „Нет двери, в которую мы не толкались бы с нашими прошениями, но они всегда оказываются запертыми для нас“.

Царизм препятствовал культурному росту и образованию киргизского народа, результатом чего была почти сплошная неграмотность трудовых масс киргизского населения, его отсталость и забитость. Не ограничиваясь угнетением и разорением киргизского народа царизм старался помешать его сближению с русским народом и старался сеять национальную рознь и действовал по принципу: „Разделяй и властвуй“. Таким образом, военно-феодальный империализм в лице царизма нещадно эксплуатировал, разорял и политически угнетал киргизский народ.

Одновременно с гнетом царизма киргизский народ давил еще

патриархально-феодальный гнет местных эксплуататоров в лице манапов, баев и духовенства. Эти старые силы киргизского общества, угнетавшие киргизский народ до присоединения его к России, продолжали угнетать его и при царизме. Патриархально-феодальная верхушка полновластно распоряжалась общинными землями, тем самым ставя дехкан в зависимое от себя положение и эксплуатируя их. Феодалные методы эксплуатации масс манапы искусно облекали в форму родовых отношений. В целях эксплуатации манапы широко использовали пережитки родового быта, искусственно поддерживая все, что способствовало сохранению племенной раздробленности и обособленности отдельных частиц киргизского народа. В своей политике они опирались на все реакционное, отсталое и были яркими противниками всего передового, прогрессивного. Манапы разжигали вражду между отдельными киргизскими родами, препятствовали хозяйственному прогрессу, т. к. это должно было ослаблять их, усиленно разжигали национальную рознь, поддерживали темноту и невежество и сеяли религиозный дурман. Манапство, будучи носителем всего реакционного и отсталого, было глубоко враждебно народу.

В своей колониальной политике в Киргизии царизм опирался на отживавшие, реакционные силы киргизского общества—манапство, байство и духовенство. Хотя манапство и утратило политическое первенство, уступив его царизму, но последний привлекал манапов на свою сторону, сохраняя их привилегии. Царизм не только не подорвал докапиталистических форм эксплуатации, а, наоборот, всячески культивировал их и в неприкосновенности сохранял патриархально-феодальный гнет манапов и баев над народом.

Для эпохи империализма такой союз империализма с силами реакции колоний является характерной чертой. В. И. Ленин, обращая внимание на это, писал в статье „Отсталая Европа и передовая Азия“, что буржуазия „поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое“ (Соч., т. 19, стр. 77). И. В. Сталин, раскрывая эту политику царизма, писал: „Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве“ (Соч., т. 4, стр. 356).

Землями в киргизских волостях попрежнему распоряжались манапы, зачастую продавая и сдавая в долгосрочную аренду земли, необходимые самим дехканам. В их руках находилось и управление в волостях. Манапов привлекала в царский аппарат управления в качестве волостных управителей и старшин возможность держать в своем подчинении киргизское дехканство и бесконтрольно, безнаказанно обирать его. Особенно широкие возможности для этого представляла система взимания налогов. Как правило, раскладка налогов и взимание их с киргизского населения целиком передавалась волостной киргизской администрации, которая всю тяжесть налога возлагала на плечи трудящихся. Но самым тяжелым было то, что налоги взимались в несколько раз больше, чем полагалось. Произвол при этом доходил до разительных фактов. Так, в 1904 году жителя Тургенской волости, Пржевальского уезда батрака Тюлебаева, имевшего всего 2 лошадей и 1 корову, внесли в налоговую раскладку как владельца 675 баранов. Не менее характерный пример приводил один из свидетелей восстания 1916 года: „Служивший у меня киргиз-бедняк,—говорил свидетель,—имевший лишь одну собаку, платил пода-

ти за 25 баранов, 4-х лошадей и 4-х коров“. Жаловаться на произвол и насилие волостной администрации было бесполезно, т. к. „народный суд“ был в ее руках, и уездная и областная администрация была с волостной заодно.

Такой произвол и грабеж вызывал стремление среди киргизского дехканства уйти из-под власти манапов и баев, и с этой целью некоторая часть дехканства решалась перейти на оседлое положение и стать крестьянами. Но манапы жестоко преследовали подобные попытки и старались не допустить этого. Так, 76-летний колхозник с. Рыбачье Кыдыралиев Нургазы в своих воспоминаниях приводит такой пример: в 1910 г. 15 человек дехкан Балыкчинской волости, Пржевальского уезда, решили перейти в крестьяне и поселились в с. Балыкчи. Узнав об этом, киргизские манапы послали манапа Эстебеса с отрядом в 30 человек и стали избивать перешедших в крестьяне. Некоторые, испугавшись, отказались от крестьянства. (См. записи Абакирова Э., ИЯЛИ КирФАН, ф. Рукописей, инв. № 1519 стр. 4—5). Царизм поддерживал феодалные верхи киргизского общества и всячески тормозил возможность перехода дехкан-кочевников к оседлости.

Развитие капитализма в Киргизии при господстве феодалных сил общества делало этот процесс особенно мучительным для киргизского дехканства, поскольку ему приходилось иметь дело с наиболее отсталыми формами капитала—ростовщическим и торговым. При этом следует говорить не столько о проникновении капитализма в дехканское хозяйство, сколько о сочетании наиболее отсталых форм капитала с феодалными пережитками. Ввиду же слабости промышленного развития в Киргизии процесс социальной дифференциации в киргизском аиле сопровождался главным образом не пролетаризацией разоренного дехканства, а обнищанием его.

Таким образом, господство царизма и патриархально-феодальной киргизской верхушки самым губительным образом сказывалось на экономике Киргизии, не только задерживая развитие, а прямо-таки разрушая производительные силы, обрекая киргизский народ на невероятные страдания.

Особенно невыносим стал этот двойной гнет во время первой мировой войны, когда эксплуатация и грабеж киргизского народа царизмом и манапством достигли невиданных размеров, когда налоги и поборы еще более возросли. В 1914 году кибиточная подать с кочевого населения была увеличена вдвое. Под видом „добровольных пожертвований“ на войну уездная и волостная администрация забирала у киргизского дехканства деньги, скот, юрты, кошмы, предметы одежды и т. п. Большая часть отобранного оставалась в руках местной администрации. Непосильные налоги и платежи еще больше подорвали хозяйство дехкан, обрекая их на голод.

В этой системе управления царизма в Киргизии, в системе грабежа, насилия и национального гнета и заключались условия и истоки восстания 1916 года. И. В. Сталин прямо указывал, что восстания неизбежный результат политики царизма, что при такой системе управления неизбежно „...возникают трения, трения переходят в конфликты, конфликты—в восстания“ (Соч., т. 5, стр. 259). В. И. Ленин также отмечал, что „Всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание“ (Соч., т. 23, стр. 49). Особенно этот отпор стал все сильнее нарастать со времени первой

русской революции и столыпинщины, когда начались массовые изъятия земли у киргизского дехканства. С этого времени во многих официальных документах говорится о нарастании народного недовольства. В июне 1907 года начальник Атбашинского участка сообщил, что киргизы Джуван-Арыкской волости волнуются по поводу предстоящего изъятия у них земель, что они заявили: „пусть их расстреливают, но они земли не уступят“.

В конце того же года губернатор Семиреченской области в записке на имя Туркестанского генерал-губернатора высказывал опасение, что „киргизы, находящиеся и ныне в панике, увидавши в действительности, что их выселяют из насиженных родных гнезд, начнут бунтовать“. Что в основе народного недовольства лежат экономические причины, признавал и сам генерал-губернатор, считавший, что „страшен не фанатизм, а экономическое недовольство и лишение мусульман того, что с давних времен они считали своей собственностью“.

Нарастание народного недовольства отмечалось и перед войной. В 1913 году начальник Туркестанского районного охранного отделения отмечал, что „за последнее время среди киргизов безусловно усилился оппозиционный дух по отношению к русской администрации и правительству, именно в связи с земельными и другими вопросами“.

Помимо экономических причин, вызывавших возмущение в киргизском народе против царизма, были причины и политического характера—влияние революционной борьбы российского пролетариата и русского крестьянства против самодержавия. Отмечая это, В. И. Ленин писал в мае 1913 года: „Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию“ (Соч., т. 19, стр. 66).

Развернувшееся с осени 1915 года революционное движение в центре России также оказало влияние на рост освободительной борьбы народов Средней Азии и среди них киргизского народа. Опасаясь народного восстания и пытаясь его не допустить царские власти на протяжении предвоенных лет и в годы войны держали Туркестанский край и отдельные его районы, особенно Семиречье, на положении чрезвычайной охраны. С первых дней войны царское правительство отдало распоряжение военным губернаторам всех областей Туркестанского края в случае выступлений коренного населения против правительства „немедленно подавлять таковые самым беспощадным образом“.

Опасения царизма и его страх перед нараставшим возмущением угнетенных народов были небезосновательны: в июле 1916 года на территории Туркестанского края развернулось мощное восстание узбеков, казахов, туркмен, киргизов и др. народов Средней Азии. В какой конкретной политической обстановке развернулось это восстание?

Оно началось на третьем году мировой империалистической войны, в обстановке поражений царизма на фронтах, хозяйственной разрухи и голода в тылу. Неподготовленность России к войне и измена ряда царских министров и генералов привели к тому, что героические усилия русских солдат сводились на-нет. В то же время в

тылу начался хозяйственный развал и голод среди рабочих и сельской бедноты. Хозяйственный упадок наблюдался и в Киргизии. В годы войны колониальные окраины эксплуатировались еще сильнее. За один только 1914 год из киргизского и казахского хозяйства Семиреченской области было вывезено скота и продуктов животноводства на 34 млн. рублей. Начали сокращаться посевные площади и животноводство. Все это сопровождалось ростом цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Так, цены на хлеб с 1914 г. к 1916 году выросли в 6 раз. Жизненный уровень трудящихся резко снизился. „Все это вызвало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах“ (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 167). Нарастала ненависть к царизму и среди трудящихся Киргизии. Вместе с тем росло антивоенное настроение в массах. В Киргизии первые проявления этих настроений выявились еще в начале войны, когда стала проводиться мобилизация запасных нижних чинов. В конце июля 1914 года при отправке мобилизованных из Пишпека начались среди них волнения, продолжавшиеся два дня. В дальнейшем недовольство войной усилилось, и в 1916 году агентура Туркестанского охранного отделения доносила, что „отношение к войне отрицательное, всем она надоела, говорят лишь о дороговизне жизни“. На этой почве в Киргизии имели место волнения голодного населения, особенно солдаток. В сел. Преображенском, Пржевальского уезда, толпа женщин разбила лавки ввиду отказа торговцев вести торговлю. Народные волнения отражали назревший в стране революционный кризис и являлись выражением стремлений масс покончить с царскими порядками, вызвавшими хозяйственную разруху и разрушение производительных сил страны. Во главе революционного движения масс шла большевистская партия, которая призывала массы превратить империалистическую войну в войну гражданскую. Этот призыв находил решительную поддержку среди трудящихся и в том числе среди угнетенных народов. Выражением стремлений киргизского народа к миру, свободе и подъему жизненного уровня, вместо хозяйственной разрухи, явилось восстание 1916 года.

III. Характер, движущие силы и основные моменты хода восстания в Киргизии

Правильное рассмотрение данного вопроса возможно только на основе марксистско-ленинского учения о национально-освободительной борьбе в колониях и зависимых странах. При этом особенно важное значение имеют работы И. В. Сталина по вопросам китайской революции. Указание И. В. Сталина о том, что характер китайской революции определялся наряду с другими моментами, также колониальным положением Китая, наличием в нем двойного гнета—гнета империализма и патриархально-феодального гнета—помогает понять характер восстания 1916 года в Средней Азии и, в частности в Киргизии.

Колониальное положение Киргизии, господство и гнет в ней империализма при одновременном гнете патриархально-феодальных пережитков являлось величайшим тормозом в развитии ее экономики и культуры. Поэтому борьба народных масс против двойного гнета

вызывалась всем ходом общественного развития и была направлена на ликвидацию гнета империализма и гнета патриархально-феодальных пережитков. Этим, прежде всего, определялся освободительный характер этой борьбы. Характер восстания определялся также ростом революционной борьбы рабочего класса и крестьянства России против самодержавия и влияния ее на национально-освободительную борьбу угнетенных народов.

Все это говорит о том, что в основе национально-освободительного движения 1916 года лежала классовая борьба народных масс против гнета эксплуататорских классов.

Поскольку борьба против двойного гнета народных масс была объективно направлена на свержение империалистического и патриархально-феодального гнета в Киргизии, постольку эта борьба должна была принять антиимпериалистический и антифеодальный характер.

При определении восстания 1916 года как антиимпериалистического нужно не забывать (это, к сожалению, забывалось), что оно было также и антивоенным, оно явилось ярким выражением антивоенных настроений измученных и разоренных империалистической войной масс.

Какие же силы киргизского общества могли вести борьбу против двойного гнета, каковы были движущие силы национально-освободительного восстания в 1916 году?

Ко времени первой мировой империалистической войны в хозяйственной и социальной жизни киргизов произошел ряд изменений под влиянием России, под влиянием капитализма. В хозяйстве эти изменения шли по линии разложения натурального хозяйства и зарождения в нем элементов хозяйства товарно-капиталистического. В социальном отношении эти изменения выразились в появлении новых социальных групп, в появлении зачатков новых классов. Втягивание киргизского хозяйства в систему капитализма привело к появлению небольшой группы торгово-капиталистической буржуазии, главным образом, скотопромышленников и в отдельных случаях торговцев и предпринимателей, имевших небольшие промышленные предприятия. Эти отдельные киргизские торговцы и предприниматели еще не представляли собой класса буржуазии, а лишь элементы, зачатки этого класса. Выходцы главным образом из феодальных кругов, они были тесно связаны с классом феодалов, действовали с ними заодно.

Разорение трудовых масс дехканства и начавшийся в нем процесс социальной дифференциации привели к образованию значительной группы батрачества, занимавшегося главным образом продажей своей рабочей силы. Одновременно отдельные группы разоренного дехканства стали работать в промышленных предприятиях, на угольных шахтах. Эти отдельные киргизы-рабочие не представляли собой рабочего класса, а были лишь элементами, зачатком этого класса. Они были еще теснейшим образом связаны с дехканской массой и их борьба в основном шла по линии дехканской борьбы.

Появившаяся киргизская буржуазная интеллигенция была столь малочисленна, что о ней нельзя говорить как о прослойке. Отдельные ее представители в ходе классовой борьбы примыкали или к классу феодалов, или к дехканству.

Таким образом, несмотря на некоторые изменения в социальном строе киргизского общества, основными силами, противостоявшими

друг другу по своему классовому положению, были класс феодалов и примыкающие к нему социальные группы и класс дехканства.

Могли ли феодально-клерикальные круги киргизского общества идти вместе с народом в борьбе против чужеземного, империалистического гнета. Никогда. Слишком различны были их интересы и антагонистические противоречия между ними. Кроме того, поскольку патриархально-феодальные пережитки искусственно поддерживались силами империализма, то тем самым устанавливался союз между силами империализма и местной реакции. Так оно и было. Киргизские манапы и баи теснейшим образом были связаны с царизмом, с русской империалистической буржуазией. Та же часть манапов, баев и реакционного духовенства, которая по каким-либо причинам находилась в оппозиции к царизму, ориентировалась на внешние империалистические и реакционные феодальные силы. Следовательно, объективно эти отживающие силы киргизского общества не могли играть прогрессивной, революционной роли в восстании, а если и примыкали к нему, то не для решения стоящих перед восстанием объективных задач, а в своих классовых, враждебных этому народному восстанию целях.

Таким образом, движущей силой национально-освободительного восстания могли быть только те силы общества, которые были заинтересованы в свержении двойного гнета. Такой силой в киргизском обществе были трудовые массы, поскольку они и только они испытывали на себе двойной гнет.

В той конкретно-исторической обстановке киргизский народ один был не в силах сбросить с себя ярмо империалистического и патриархально-феодального гнета. Этого он мог добиться только объединив свои силы с революционным российским пролетариатом, с революционным русским и другими народами.

Таким образом, сближение в единый фронт борьбы революционного русского народа и освободительной борьбы киргизского народа против социального и национального гнета было естественным и неизбежным.

Национально-освободительный характер борьбы киргизского народа против империализма и „своих“ эксплуататоров складывался под влиянием революционной борьбы русского народа, особенно начиная со времени революции 1905—1907 гг. Оказывали влияние на подъем национально-освободительного движения народов Средней Азии, и в их числе киргизского народа, развернувшаяся революционная борьба пролетариата в годы войны в центре России.

Таковы были те объективные условия, определявшие характер развития национально-освободительного движения как в Средней Азии, так, в частности, и в Киргизии.

Но помимо этих общих моментов нужно учитывать специфические особенности восстания 1916 года в Киргизии. Одной из наиболее характерных особенностей этого восстания в Киргизии было то, что оно являлось прежде всего борьбой за землю. Этим объясняется широкое участие киргизского дехканства в восстании 1916 года.

Поэтому в первые годы советской власти важнейшей задачей в осуществлении ленинско-сталинской национальной политики была задача обеспечения киргизского народа землей.

Восстание 1916 года в Киргизии представляло собой чрезвычайно сложное явление и имело свои минусы.

Большим минусом для восстания было то, что оно не имело пролетарского руководства. Зарождавшийся класс пролетариата в Киргизии был слаб и не мог оказать влияния на ход восстания, как руководящая сила, а связи с русским пролетариатом во время восстания отсутствовали. Этим именно объясняется проявление многих отрицательных моментов в ходе восстания. При рассмотрении восстания 1916 года в целом в Средней Азии особенно ясно видно, что там, где было сильнее влияние пролетариата на восстание, там оно было организованнее, более упорной была борьба народа, там оно слилось непосредственно с февральской буржуазно-демократической революцией. Так было в Казахстане, в Тургайской области, где народно-освободительное движение возглавлялось большевиком Джангильдиным и Амангельды Имановым. Там же, где пролетарское воздействие было слабее или оно полностью отсутствовало, восстание носило неорганизованный и стихийный характер. Так было в Киргизии.

Следующим минусом была темнота и политическая отсталость как киргизского дехканства, так и русского переселенческого крестьянства. В. И. Ленин не раз указывал, что темнота масс серьезное препятствие в их борьбе за свою свободу.

Эта темнота и политическая отсталость помешала делу объединения киргизского дехканства и русского крестьянства для совместной борьбы против империалистического и патриархально-феодального гнета. Этой отсталостью и темнотой воспользовались царизм и манапы для того, чтобы посеять национальное недоверие и рознь между наиболее отсталыми слоями киргизского и русского населения. Пользуясь темнотой, разрозненностью, неорганизованностью и военной слабостью восставших, царизм в союзе с манапами и баями легко расправился с восставшими и потопил в крови освободительную борьбу киргизского народа.

У трудящихся масс угнетенных народов был и другой враг — буржуазные националисты, реакционное мусульманское духовенство, связанные с империалистическими правительствами и феодальной реакцией других стран. Находясь в оппозиции к царизму, они пытались народную освободительную борьбу из антицарской превратить в антирусскую и таким путем добиться отторжения Средней Азии, Киргизии от России и установить над „своими“ народами власть ханов и иностранного империализма.

Ленин и Сталин не раз указывали на то, что господствующие верхи, буржуазия угнетенных наций использует лозунг национального освобождения в целях обмана „своих“ народных масс, вступая в то же время в сделки как с правящими классами господствующей нации, так и с империалистами других держав. Иностранцы империалисты пытались не раз с помощью феодально-клерикальной реакции и буржуазных националистов использовать национальное движение против своих политических противников. В июле 1916 года Ленин в своей известной работе „Итоги дискуссии о самоопределении“ писал: „Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п.“ (Соч., т. 22, стр. 341).

Внешние силы стремились использовать в своих целях, во вред народу и восстание 1916 года, пытались превратить его из антицар-

ского в антирусское. В отдельных городах и районах Средней Азии агенты германского империализма и турецкого султана делали попытки превратить народные антицарские восстания в движение против русских вообще.

Изучение документального материала показывает, что одна часть местных эксплуататорских верхов ориентировалась на царизм и поддерживала его политику, а другая — вступала в соглашение с империалистами и феодальной реакцией других стран.

Правительства Англии, Турции, Америки и др. стран стремились как можно больше засылать своих агентов в Среднюю Азию в целях изучения ее путей сообщения, границ, вербовки агентов и антирусской пропаганды, лелея надежду об отторжении Средней Азии от России. Средняя Азия притягивала и английскую, и французскую, и американскую, и немецкую буржуазию, тянулись к ней также турецкие феодалы и буржуазия, японские империалисты. Всякими путями они старались проникнуть в Среднюю Азию, под видом туристов, „ученых“, миссионеров, охотников и т. п. От этих любителей „путешествовать“ просто не было отбоя. Политическая близорукость царских властей и германское влияние при дворе давало возможность многочисленным иностранным агентам проникать в Среднюю Азию. В целях ослабления позиций России в Средней Азии иностранные правительства использовали любые средства и в том числе панисламизм и пантюркизм. С середины и до конца XIX века особенно широко этим пользовалась в борьбе против России Англия. Орудием в ее руках были реакционные правящие феодальные круги Афганистана и Турции и мусульманское реакционное духовенство. Почти все реакционные выступления в Средней Азии второй половины XIX в. инспирировались Англией с помощью Турции и Афганистана.

С конца XIX в. Турция попадает под влияние Германии и германские империалисты, как и английские, использовали панисламизм в своих целях. Ко времени первой мировой войны германские империалисты хозяйничали в Турции и Афганистане во-всю. Так же как и Англия, Германия пыталась через Турцию и Афганистан широко использовать реакционные силы мусульманского духовенства и феодальные верхи Средней Азии в свою пользу против России. Немалый интерес в направлении использования пантюркизма проявили японские империалисты.

Во время первой мировой войны германские, японские, английские, американские и некоторые другие иностранные империалисты как базу подрывной деятельности в Средней Азии использовали Сибирь-Цзян. Особенно бурную деятельность здесь развили агенты германского правительства.

Они не ограничивались тем, что обосновывались на границах России, а создавали свою агентурную сеть в Средней Азии, используя торговые и промышленные иностранные фирмы, проживавших здесь иностранцев и т. д. Проникновению иностранной агентуры способствовало пребывание в Средней Азии, и в том числе на территории Киргизии, пленных немцев, австрийцев, турок и др.

Цели враждебных России групп сводились к тому, чтобы подорвать её глубокий тыл и по возможности отторгнуть Среднюю Азию от России. Феодально-клерикальные круги, которые были связаны с империалистами иностранных держав являлись агентурой этих государств. Своим стремлением к отторжению Средней Азии от Рос-

сии они хотели закрыть для трудящихся Средней Азии путь к освобождению.

Ряд документов свидетельствует о имевшихся связях киргизских манапов с правящими кругами Германии, Турции и некоторых других государств. Так, один из волостных управителей на Памире, некий Джапаркул, имевший связь с немцами, бежал в 1915 году в пределы Афганистана. Тогда же, в 1915 году, на Памире были задержаны четверо турок, а в сентябре 1916 года на Сусамыре—немецкий шпион. Подозревались в связях с Турцией сыновья Курманджан-датхи. Так, в ноябре 1914 года туркестанские власти проявляли серьезное беспокойство, что „будто бы на Алае сыновья датхи готовят восстание в пользу Турции“. В июле 1916 года полицмейстер гор. Верного Портиков доносил Семиреченскому губернатору о токмакском богатом дунганине Буларе Могуеве, как об агенте Турции, о том, что с начала войны он вел пропаганду отделения от России и образования под его главенством Семиреченской провинции. Связи с Турцией имел и Сарыбагышевский манап Шабдан и его сыновья, особенно Мокуш, побывавший незадолго до восстания 1916 года в Турции, а затем, во время восстания, „провозгласивший себя ханом“. Имеются данные также о действиях немецкой агентуры из Синь-Цзяня. Когда в 1916 году началось освободительное восстание народов Средней Азии, эти внешние империалистические силы и местные феодально-клерикальные группы пытались превратить это восстание в антирусское и направить его по реакционному пути. Эти попытки провалились, так как основные массы народа их не поддержали. Восстание 1916 года было освободительным. Только в отдельных местностях Средней Азии, в том числе и Киргизии, имели место реакционные выступления, организованные манапами и духовенством.

Реакционное выступление манапства не может рассматриваться как составная часть освободительного движения киргизского народа. Оно было отдельным потоком от общего народного движения и принимали в нем участие отсталые, или угрозой принужденные к тому, слои киргизского населения.

Зачатки дружбы, зарождавшиеся между трудовыми массами киргизского и русского народа, не смогли уничтожить ни попытки манапов разжечь ненависть к русскому народу, ни дикие кровавые действия царизма в отношении киргизского народа. Эти зачатки дружбы проявлялись в многочисленных фактах как в период восстания, так и после его подавления.

Для того, чтобы проследить это на конкретных примерах необходимо остановиться на основных моментах хода восстания киргизского народа в 1916 году как в южных, так и в северных районах Киргизии.

Каковы основные этапы восстания 1916 года в Киргизии? Вопрос об этапах восстания 1916 года в Киргизии в имеющейся опубликованной литературе не ставился. Единственной работой, где даны этапы этого восстания, является диссертация Д. Меджитова. Автор диссертации устанавливает три этапа: 1-й—подготовительный; 2-й—восстание на юге Киргизии (июль 1916 г.) и 3-й—восстание в северных районах Киргизии, начиная с 7 августа и до подавления его.

Периодизация, данная Д. Меджитовым, однако неправильна. Во-первых, потому что подготовительный, 1-й, этап восстания в сущности совпадает со вторым этапом (июль месяц); во-вторых, если говорить об освободительном восстании в северных районах Киргизии,

то совершенно ясно, что нельзя освободительное восстание связывать с 7 августа, поскольку теперь известно, что это дата начала реакционного выступления манапов.

Национально-освободительное восстание в Киргизии, на наш взгляд, прошло два этапа.

Первый этап—общий для всей территории Киргизии—июльский, начиная со времени объявления Указа о наборе на тыловые работы до подавления его на юге Киргизии, и второй этап—августовско-сентябрьский в Северной Киргизии, когда, наряду с народно-освободительной борьбой, манапами и баями было организовано реакционное движение. Таким образом, в ходе восстания 1916 года в северных районах Киргизии в период августа-сентября 1916 года нужно видеть не одно реакционное выступление манапов и части отсталых элементов из киргизов, а национально-освободительную борьбу киргизского народа за свои особые, классовые интересы, коренным образом отличные от целей и интересов манапов. Нельзя считать, что киргизский народ весь попал под влияние манапов.

Как развивалось восстание в Киргизии?

Национально-освободительное восстание на территории Киргизии в силу своего стихийного и неорганизованного характера, в различных районах проходило неодновременно. Первыми были охвачены восстанием южные районы, входившие тогда в Ошский, Андижанский и частью Кокандский, Скобелевский, Наманганский и Маргеланский уезды Ферганской области. Восстание киргизского дехканства здесь проходило одновременно и в ряде случаев совместно с узбекским дехканством. В южных районах Киргизии ввиду того, что развитие капитализма здесь было значительно сильнее и хозяйственный уровень развития выше, нежели в северных районах, классовое расслоение и классовые противоречия выступили здесь ярче, что проявилось во время восстания. Следует при этом учесть, что восстание на юге Киргизии изучено очень слабо и поэтому имеющиеся данные о нем не отражают всей полноты развернувшейся здесь борьбы народных масс в 1916 году. На юге Киргизии ярче проявился и антифеодальный характер восстания. Собранные воспоминания дают некоторые дополнения к ранее имевшимся документам о восстании в южных районах. В Самаркандской и Ферганской областях восстание началось сразу после объявления указа о мобилизации на тыловые работы. Началось оно с массового волнения, открытого возмущения призывом, бегством многих призываемых в горы. За беглецами началась буквально охота; их насильно забирали и увозили в уездные центры. С первых же дней объявления указа начались выступления против уездной, но особенно против волостной администрации.

Первыми были выступления в Ходжентском уезде Самаркандской области, возникшие уже 3 июля. Затем волна народного гнева быстро перекинулась в Ферганскую область, охватив и южные районы Киргизии. Указ был не только поводом к восстанию, но и ближайшей непосредственной причиной. Ведь согласно этому указу забиралось почти все здоровое мужское население и дехканское хозяйство должно было лишиться основной рабочей силы. Кроме того, ненависть к войне и нежелание помогать ненавистному царизму в этой войне охватила величайшим возмущением народные массы, что и вызвало в ряде мест восстание. Указ еще сильнее обострил классовый антагонизм в киргизских кишлаках и аулах. При составлении

списков мобилизуемых, волостная администрация вносила в них бедноту. Классовые противоречия еще более обострились, когда было объявлено о праве заменять того или иного призываемого другим лицом. Это дало возможность манапам и баям вместо себя отправлять бедняков. В воспоминании Розахунова Ахмедали, жителя гор. Ош, говорится: «Богачи-баи, муллы своих сыновей в списки не включали, а если и попадали в списки сыновья богатых, то они откупались или покупали бедняка, или заставляли батрака послать своего сына, вместо сына хозяина». (Из записей, сделанных студентом Киргосуниверситета Замятинным, см. рукописный фонд ИЯЛИ). Баи говорили беднякам: «ты бедный, у тебя нет ничего, что будешь здесь делать? иди в армию». При этом старались избавиться от наиболее передовых представителей народа. Все это привело к тому, что народ начал подниматься на открытую борьбу и против царских властей, и против байства. Поскольку составление списков производилось одновременно по всем уездам, то и волнения, и выступления проходили почти одновременно в ряде уездов и волостей.

В Ошском уезде после того, как был получен указ о наборе, по приказу уездного начальника полковника Алексеева у подножья горы Сулейман было собрано население значительной части уезда. Число собравшихся доходило до 10 тысяч человек. Перед собравшимися выступил уездный начальник, а затем баи и манапы, призывавшие «помогать белому царю». В ответ на это в полковника Алексеева, пристава, баев и мулл полетели из толпы камни. Царские чиновники разбежались. Начались аресты. После этого через несколько дней начались волнения и выступления народных масс в киргизских волостях. Уже 8 июля из уезда сообщалось, что в селениях Ходжеват и Некаре, Булакбашинской волости, огромная толпа недовольных призывом потребовала от волостного управителя выдачи списков мобилизуемых, угрожая в противном случае расправой с ними. Волостной управитель и старшины спаслись бегством в г. Ош, после чего народ напал на дом волостного управителя. В тот же день началось восстание в Араванской волости того же уезда, в с. Туркмен, Чемамбы, Мангляр, Кашгар-Кишлак, Газы-Яглык и др. Во всех случаях толпы народа нападали на волостных и старшин. Так, в селении Газы-Яглык собралась огромная масса дехкан из ряда селений. У управителя были отобраны списки мобилизуемых, а за отказ заверить подписью на списках, что никто не будет взят, волостного и старшину стали избивать. Те отбивались, стреляли в толпу и прятались в волостном управлении. Волостное управление было окружено огромной толпой. Из толпы кричали: «убьем волостного», «пусть придет пристав, уездный начальник, убьем их». Затем волостной, его письмоводитель и джигит были вытащены через окно и убиты камнями. Прибывшие войска из Оша произвели массовые аресты. Было арестовано 317 человек и отправлено в гор. Ош. В это же время происходили дехканские выступления и в других волостях Ошского уезда. 25 июля произошли массовые выступления в Уч-Кургане, где восставшие громили магазины, нападали на местные власти. Выступление здесь было подавлено вооруженной силой, причем было несколько человек убитых. Произошли волнения в городе Ош и Узгене, а также на летовках — джайлоо. «Люди открыто, в одиночку и группами возмущались. Народ стал собираться с криками, что в армию, не пойдем. Стали готовить палки, вилы, собирать старые ружья».

(Из воспоминаний, хранящихся в рукописном фонде ИЯЛИ). Имели место выступления и в других уездах. Так, в Андижанском уезде, в Чуоме, мобилизованные отказались идти на тыловые работы и избили манапов и баев. Восстание здесь было подавлено вооруженной силой, после чего многих призываемых арестовали и связанными отправляли в Андижан, где их судили. Несколько человек были повешены, а нескольких сослали на каторжные работы. Восстанием в Чуоме руководили бедные дехкане Халмат и Парпы Валиев, который был осужден на 18 лет каторжных работ.

В селении Дальварзин, этого же уезда, где убит был крупный манап Акымбек, совместно выступали киргизы с узбеками.

В Алтынкульской волости был убит волостной Болуш Ахунбеков. Выступления дехкан имели место в Балыкчинской, Нарынской, Ярбашинской, Майгырской и других волостях.

Такая же картина была и в других уездах. Бурные столкновения происходили в г. Коканде и в киргизских волостях этого уезда, где начиная с 8 июля и до конца месяца, было убито несколько волостных и старшин. Массовый характер носили выступления в киргизских волостях Скобелевского уезда. Но восстание в южных районах Киргизии, как и во всей Ферганской области, было сравнительно быстро подавлено ввиду того, что царские власти располагали здесь значительными войсковыми силами.

Таким образом, южные районы Киргизии были охвачены стихийным выступлением масс против царизма и местных манапов и баев. Оно было стихийным и неорганизованным, в нем отсутствовала определенная программа, не было и общих руководителей. В ходе стихийного выступления масс среди восставших выделялись наиболее смелые и решительные участники восстания, которые выдвигались в вожаки этих отдельных выступлений. Итак, национально-освободительный характер восстания на юге Киргизии проявился со всей яркостью и четкостью.

В северных районах Киргизии восстание по характеру борьбы, по целям и социальному составу участников было неоднородным, в результате чего в ходе восстания наряду с национально-освободительной борьбой народных масс выявилось и реакционное движение феодально-клерикальных групп. Наряду с народной борьбой, проявлявшейся стихийно, неорганизованно, ярко выразилось реакционное выступление, так как оно носило характер войны, «газавата» против русских вообще.

Национально-освободительная борьба в северных районах началась сразу после объявления указа о мобилизации на тыловые работы. Объявление это было сделано по отдельным уездам с 5-го по 12-е июля. Весть о мобилизации на тыловые работы свалилась страшным бедой на народ. Указ царизма об одновременной мобилизации всего здорового мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет грозил оставить большинство дехканских семей без работников и кормильцев. А когда вскоре стало известно, что так называемые «почетные лица», муллы, волостная администрация и др. привилегированные категории освобождены от мобилизации, то недовольство еще больше усилилось. Обострилась классовая борьба в киргизском аиле. Волостные управители и старшины для того, чтобы освободить от мобилизации сыновей богатых киргизов, хотели провести набор путем вынесения приговоров общества с персональным указанием

Имен мобилизуемых. Манапы при этом рассчитывали на свое влияние и власть с тем, чтобы вносить в списки бедноту. Но, понимая уловки манапов, беднота требовала проводить мобилизацию согласно посемейным спискам. На этой почве происходили часто кровавые столкновения, доходившие до восстания в отдельных волостях. В воспоминании колхозника Барсукбаева Жунуша (колхоз имени Куйбышева, Минбулакского с/совета) говорится, что когда их волостной манап Кадыр—исключил из списка своего брата, а вместо него включил бедняка Салбара Осмонова, то группа дехкан до 100 человек поднялась на восстание с целью убить волостного. Спасаясь от восставших, манап и с ним еще ряд лиц бежали из аила. Во главе восставших встали бедняки Кулмат, Конкоз и Мамыркан. К концу июля численность восставших превышала уже 1000 человек. Таким образом, еще в июле началось восстание в центре Нарына и началось оно с борьбы против „своих“ угнетателей. В это же время началось сопротивление низов и в районе Куланак. В ответ на извещение старшины, что проходит мобилизация в трудовую армию, собравшиеся решили, как пишет в воспоминаниях участник восстания Козоболотов Соке, что „за кого-то мы не собираемся умирать. Лучше бороться и умереть“. В том же районе (судя по этим воспоминаниям) были случаи убийства киргизской администрации. Так, Мамыров Менделе, колхозник колхоза „Кызыл-Эмгек“, сообщает, что когда старшина их поселения повез с двумя стражниками списки мобилизуемых в Нарын, то молодежь, попавшая в эти списки, догнала их по дороге к Нарыну и всех убила. Волостной Касымалы, услышав об этом, бежал.

В Пржевальском уезде после того, как уездным начальником Ивановым было объявлено волостным управителям о мобилизации, в волостях начались волнения и обостренная борьба призываемых против „своей“ верхушки. 23 июля волостные управители и старшины, собравшись в Пржевальске, просили уездного начальника, чтобы он их арестовал и тем спас от смерти, так как если они будут составлять списки, то призываемые с ними расправятся. Волостные заявили, что киргизы призывного возраста открыто говорят им, что если они составят списки, то они их перережут.

После отказа Иванова в такого рода аресте, волостные через несколько дней опять обращались к нему с такой же просьбой. После требования Иванова представить приговора, последние были составлены без указания фамилий. На требование Иванова представить посемейные и поаульные списки волостные ответили, „что в поаульных приговорах именовать киргиз, отправляемых на работу, они боятся, так как в аулах будет резня между киргизами“ (ЦГА Кир. ССР, ф. 75, д. 8).

Призываемые решили сопротивляться призыву и в этих целях концентрировались в горах, собирая—кто какое мог—оружие. Многие бежали из пределов своих волостей. Урок, данный манапам и баям на юге Киргизии и в ряде мест Семиречья, сделал последних более осторожными и заставлял лавировать, поэтому здесь дело не дошло до такой острой борьбы против волостных и проч., как это было на юге Киргизии. Но это вовсе не значит, что восстание в северных районах Киргизии надо связывать с датой 7—9 августа, как это делалось до сих пор. С этой датой вообще не должно связываться национально-освободительное восстание киргизского народа, так как

7—9 августа началось реакционное выступление манапов Атекинской и Сарыбагышской волостей Пишпекского уезда.

Таким образом, восстание в северных районах Киргизии началось одновременно с восстанием в южных ее районах. При осуждении этого первого общего этапа нужно, однако, отмечать, что наиболее интенсивная борьба велась на юге и слабее—в северных районах.

Второй этап национально-освободительного восстания начался в первых числах августа и охватил только северные районы Киргизии. Причиной массового выступления послужило требование уездных властей предъявить списки призываемых. На этой почве обострилась классовая борьба в аилах, и выявилось резко отрицательное отношение к набору. Этот именно момент и учитывали реакционные силы, начав свое выступление 7 августа.

С этого времени восстание идет сложным путем. В. И. Ленин не раз указывал, что массовые выступления зачастую принимают сложный характер. Так, характеризуя февральскую буржуазно-демократическую революцию, В. И. Ленин писал, что в ней проявлялись „совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления“ (Соч., т. 23, стр. 296). Так и в восстании 1916 года антиимпериалистические и антифеодальные тенденции переплетались с социальными и национальными моментами, проявлялись совершенно различные классовые цели и интересы и т. д.

Реакционные силы киргизского общества в своем стремлении к восстановлению старых порядков ханских времен пытались национально-освободительную антицарскую борьбу киргизского народа превратить в антирусское движение, в реакционное движение. В этих целях использовалось всё: и сила родовых традиций, и принуждение, и обман масс. Как осуществлялся этот обман можно видеть на таком примере. В воспоминаниях колхозника колхоза им. Куйбышева, Минбулакского района, Жунуша Барсукбаева говорится, что когда дехкане из рода тынымсеит восстали, то манап Байзак, обращаясь к ним, говорил: „русские захватили наши земли, а теперь хотят еще забрать наших сыновей от 18 лет до 30. Поэтому мы должны уничтожить русских. Заберем у них наши исконные земли и раздадим эти земли беднякам“. „План Байзака,—вспоминает этот колхозник,—пришелся по душе и бай-манапам и беднякам“. Там, где манапам удалось обмануть массы, они захватывали в свои руки руководство восстанием и направляли его по реакционному пути. Это удалось им достигнуть в ряде мест Пишпекского и Пржевальского уездов, где возникло несколько очагов реакционного манапского выступления. В Пишпекском уезде такой очаг возник в районе Токмака. Центром реакционного выступления были Атекинская и Сарыбагышская волости. Главари реакционного выступления здесь были манапы братья Шабдановы, потомки крупной феодальной фамилии, господствовавшей в прошлом почти над всем киргизским населением Чуйской долины. Другой очаг был в загорных волостях, с центром в Абайдинской волости. Во главе стоял манап Канаат Абукин. В Пржевальском уезде основным центром, откуда шло направление реакционного движения, была Тюпская волость, где выступлением руководил манап Батырхан Ногоев (главное лицо в организации реакционных выступлений в Пржевальском уезде) и Барскаунская волость, где действовали ма-

напы Усен Шамыров и Кендербай Солтонаев. Значительно слабее был очаг в Нарыно-Атбашинском участке и Кочкорке.

Организаторы реакционного выступления сжигали русские поселки, уничтожали средства связи, почтовые станции и т. п. Ряд главарей объявил себя ханами, выявив тем самым свои политические цели, а именно, отделение от России и создание ханства.

Реакционное выступление манапов было враждебно народным интересам как киргизского народа, так и интересам общереволюционной борьбы. К подобного рода выступлениям марксизм—ленинизм относится отрицательно. В. И. Ленин, считая необходимым поддерживать всякие восстания, направленные против империализма, в то же время делал оговорку, что „если это не восстание реакционного класса“ (Соч., т. 22, стр. 318). В тезисах по колониальному вопросу для II конгресса Коминтерна В. И. Ленин в качестве задачи выдвигал необходимость борьбы с реакционными средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах, а также „борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытавшимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.“ (Соч. 31, стр. 127).

Таким образом, ясно, что отношение к реакционным восстаниям, организованным и возглавляемым манапами, должно быть самым отрицательным.

Манапское выступление в Киргизии представляло собой отдельные очаги, основным же в восстании 1916 года была освободительная борьба киргизского народа. В Киргизии, как и во всей Средней Азии, за феодалами пошли лишь отсталые элементы киргизов, а основные массы трудящихся в ходе восстания вели борьбу за свои интересы, не вместе с манапами, а в борьбе против манапов. Так, в то время, когда атекинцы и сарбагичевцы во главе с Меккушем Шабдановым совершали нападения на русские поселки, другие киргизские волости развернули борьбу против волостных старшин и царских сатрапов. Большой интерес в этом отношении представляет восстание киргизов Беловодского участка Пишпекского уезда. После того, как было дано указание по волостям представить 4 августа списки мобилизуемых, волостные и старшины стали готовить эти списки на основании вынесения приговоров, что вызвало со стороны призываемых решительный протест. Они требовали, чтобы в списки включались и лица из манапских семей, а затем призываемые начали вообще отказываться от мобилизации.

10 августа в ряде волостей Беловодского участка началось восстание. Восставшие, вооружившись чем попало, разъезжали по степи и нападали на волостных, старшин, русских чиновников и представителей царской власти. Так, 10 августа в селении Чининском Тлеубердинской волости на волостного старшину Асанкула Чолпонкулова, на бывшего с ним стражника Инчину и 5 человек джигитов напали восставшие, грозя их убить. Испуганный старшина и сопровождавшие его лица ускакали от нападавшей на них толпы дехкан этого селения в русский поселок Белогорское. Сам старшина так показывал по делу восстания в Тлеубердинской волости: „Предвидя опасность, я, стражник Инчин, джигиты (5 человек) и куморский сельский староста Берикпай Кузуккин поехали в селение Белогорское, где и спаслись“ (ЦГА Кирг. ССР, ф. 75, д. 18, л. 8—9). Восставшие двинулись в

Белогорку, после чего Асанкулу и Инчину пришлось бежать и из этого селения, захваченный писарь был избит и заперт в амбар. Восставшие расставили на дорогах свои дозоры и не пропускали гонцов манапов в Беловодск.

В это же время восстание охватило соседние волости, особенно бурно проявилось оно в селении Татыбековском, Восточно-Сукулукской волости. Напуганные восстанием манапы этой и смежных волостей собрались ночью в селении Татыбековском в мечети, где обсуждали вопрос как подавить восстание, сюда же приехал волостной Тлеубердинской волости. Узнав об этом, восставшие окружили мечеть. К ним присоединились киргизы Тлеубердинской волости выступавшие особенно активно, и пытались расправиться с манапами. Манапские джигиты, находившиеся в ограде мечети, отбивались от нападавших. По адресу манапских главарей Чолпонкула и Джантая Кенесарина из толпы раздавались крики: „Давайте сюда Чолпонкула и Джантая, мы их убьем, они виноваты в составлении приговоров по сдаче нас и детей наших в солдаты. Убьем их и никого не отдадим в солдаты“ (ЦГА Кир. ССР, ф. 75, д. 19, л. 4). Один из манапов, сидевший в осаде в мечети, Джантай Кенесарин, потом говорил: „Толпы киргиз этих пытались проникнуть в ограду мечети, но так как у меня было собрано народу около 100 человек, все вооружились камнями и палками и отбивались до наступления рассвета“. (Там же, л. 3).

Вожаками восставших дехкан были бедняки. Причем, в каждом селе были свои вожаки. Так, в селении Кайгельдинском Тлеубердинской волости, вожаками были: Телебай Кошаев, Сатыбалды Култаев, Мамеркул Тельтаев, Токсобай Чинходжинов, в селении Токтинском—Мелике Монолдоров и др. Некоторые из них были арестованы и при допросе выяснилось, что все они были бедняки. Так, Толкобай Чаныков не имел никакого имущества. Эгемерди Байматов имел только одну юрту, и таково приблизительно было положение других руководителей восставших дехкан. На русские поселки восставшие не нападали и никого из русских крестьян не трогали. Царские власти жестоко расправились с восставшими. Беловодский пристав Грибановский при помощи манапов обманным путем завлек несколько сот человек киргизов в с. Беловодское, уверяя, что их не будут брать на тыловые работы и что им выдадут документы о том, что они мирные жители. Когда поверившие манапам и приставу дехкане прибыли в Беловодское, их заперли в тесном помещении, где многие задохнулись от недостатка воздуха, а затем по приказанию пристава дружиной из беловодских кулаков 517 человек были убиты. Оставшихся 138 человек погнали в Пишпек, и большинство из них было убито дорогой. Так было подавлено восстание в Беловодском участке. В это же время шло восстание в Саласской долине, где оно также в основном было освободительным по своему характеру. Киргизы в этом районе выступили совместно с казахами. Даже в тех районах, где выступало реакционное манапство, основная масса восставших дехкан не поддавалась манапской провокации и не допустила насилий в отношении русских крестьян. Наоборот, имеется масса фактов, свидетельствующих о том, что киргизские дехкане укрывали и спасали от манапских зверств русских крестьян. Об этом говорят следственные материалы, показания женщин, мужчин. Много крестьян уходило из поселков в горы к знакомым киргизам, где и жили некоторое время. Имеются факты, когда в ряде поселков Пржевальского уезда крестьяне до начала вос-

стания манапов были предупреждены об этом. Так, например, крестьянин с Алексеевского, Пржевальского уездов, Коновалов Константин Ефимович во время нападения на это село киргизов был взят с семьей Алымбеком Куловым. Несколько дней этот крестьянин с семьей жил у Кулова, а затем Кулов вывел их к почтовой дороге и отпустил домой (ЦГА КирССР, ф. 75, д. 1, л. 67). Крестьянка Аксинья Ефимова была при нападении на это село захвачена и попала вместе с детьми к своему бывшему пастуху Байсерке, который ее укрывал, а жена его дала этой женщине свою одежду. Прасковья Мичина показала, что когда ее захватили, то она попала к знакомому киргизу Кыдралы, который будучи сам болен и почти не имея пищи, приказывал своей жене кормить и заботиться о ней и ее детях. «Он говорил, — рассказывала эта крестьянка, — что даст нас в обиду лишь тогда, когда умрет». Это свидетельствует о большом благородстве, которое проявили многие киргизские дехкане в отношении пострадавших от манапских набегов русских крестьян. Один участник восстания в Куланакском районе говорит: «Мы в 1916 году восстали не против всех русских. Если бы было так, мы уничтожили бы всех русских. Но было не так. Мы были почти в родстве с русскими бедняками. Так, мой брат Мамбетов Эралы был женат на русской, на Анне Федоровне. Эралы был пастухом в русском поселке».

Когда киргизские дехкане увидели, на какое злодеяние идут манапы, они от них уходили и не поддерживали их. Так, колхозник сельхозартели «Джан-Ташак», Тянь-Шанской области, Алтынбаев Токе рассказал, что Акчинский манап Чолук напал на русский поселок Атайку и перебил там всех русских, а потом обратившись к киргизам, объявил, что Канаат Абукин предлагает ему объявить себя еще ханом. Но за ним пошли только его родственники, старшины, богатые. Нападение некоторых киргизских дехкан на поселки вызывалось ненавистью их к русским кулакам, которые делали много зла дехканам. В то же время ряд русских сел оставались нетронутыми, поскольку крестьяне жили с соседними киргизскими волостями в дружбе. Интересные факты в этом отношении сообщаются в отчете депутатов Ташкентского Совета, которые объехали в мае—июне 1917 г. Пишпекский и Пржевальский уезды по организации Советов. В отчете пишется: «19 июня были в селе Быстрорецком. Много пустых земель, мало посевов, сады молодые. Селение образовано 5—6 лет тому назад. От мятежа не пострадало. Передают, что крестьяне этого селения жили дружно с киргизами, не обижали их и потому не пострадали, тогда как селение в 8 верстах было всё разбито». Небезинтересен для понимания характера восстания и тот факт, что когда киргизы, бежавшие в Китай, узнали о свержении самодержавия, то немедленно стали возвращаться на свои родные места, туда, где жили русские. Значит, у киргизского народа не было ненависти к русскому народу вообще, а только к царизму, и бежали киргизы в Китай не от русского народа, а от царизма.

Можно много привести также фактов о дружественном отношении русского народа к киргизскому народу.

Имевшие место убийства, грабежи и всё то отрицательное, что проявилось в ходе восстания, было делом рук манапов, баев, царских властей, кулаков, которые организовывали расстрелы, убийства, поджоги и грабежи.

Царские власти хорошо были осведомлены, что убийства и под-

жоги совершали манапы, но это не останавливало их от расправы с трудовым киргизским народом, потому, что это несло им наживу. Царские каратели не щадили женщин, стариков, детей. Спасаясь от полного истребления, значительная часть восставших ушла в пределы Китая. Но и там много страданий вынес киргизский народ. Китайские феодалы, чиновники и ростовщики, пользуясь безвыходным положением беженцев-киргизов, эксплуатировали и обирали их. Те же киргизы, которые бежали в район Кульджи, подверглись нападению калмыков. Манапы и там не переставали эксплуатировать дехканство. Стараясь возместить свои материальные потери, они доходили до того, что продавали женщин и детей подвластных им киргизов в рабство.

Та часть киргизского народа, которая осталась на своих местах, преследовалась царизмом. Кулаки захватывали земли и грабили их. Не удовлетворившись этим, царизм наметил план полного изгнания киргизов из Пржевальского и частью из Пишпекского уездов. При Временном правительстве мучения киргизского народа не только не кончились, а ещё больше усилились. Дехканство вымирало от голода и эпидемий.

Великим счастьем для киргизского народа была победа Великой Октябрьской социалистической революции, которая спасла киргизский народ от гибели и сделала его свободным и равноправным.

Коммунистическая партия и Советское правительство, с первых дней революции приняли все меры к спасению киргизского народа. Национальная политика Коммунистической партии обеспечила всестороннее развитие киргизского народа, который в братской семье советских народов достиг высот социализма и вместе с ним под руководством Коммунистической партии ведет борьбу за построение коммунизма в нашей стране.

Некоторые выводы:

1. Восстание 1916 года в Киргизии, за исключением отдельных районов, было прогрессивным, народно-освободительным по своему характеру, антиимпериалистическим, антифеодальным, антивоенным.

2. Движущими силами этого восстания были широкие массы киргизского дехканства, которые вели борьбу против двойного гнета: гнета империализма и патриархально-феодального гнета.

3. Восстание это было стихийным, неорганизованным, локальным.

4. Восстание не имело пролетарского руководства, ввиду того, что пролетариат Киргизии был слаб, а с русским пролетариатом во время восстания у киргизского дехканства связи не было. Это и является основной причиной поражения восстания.

5. Восстание являлось составной частью назревшего революционного кризиса в стране.

Оно оказало влияние в смысле ослабления сил царизма, и способствовало победе февральской буржуазно-демократической революции.

6. Киргизское манапство пыталось превратить это антицарское восстание в антирусское и в ряде мест подняло реакционное восстание, но основная масса киргизского народа не пошла за манапами, благодаря чему восстание 1916 года сохранило свой освободительный характер.

7. Восстание явилось большой политической школой для киргизского народа и показало ему, кто его друзья и кто враги, помогло понять, что его единственным верным союзником и вождем в борьбе за национальное и социальное освобождение может быть революционный российский пролетариат.

аристократии, укрепляли ее классовые позиции, были направлены на разжигание национальной розни и вели, в конечном счете, к отрыву народных масс Киргизии от русского народа. С начала XX века, особенно после революции 1905—1907 гг., когда трудящиеся киргизы, как и все народы Средней Азии, постепенно вовлекались в русло общероссийского революционного движения, национальные движения в Средней Азии меняют свой характер. В этот период возникают движения зарождавшейся местной буржуазии, которые с самого начала носят реакционный характер (алашское и джадидское движения). Эти буржуазно-националистические движения препятствовали исторически-прогрессивному развитию народов Средней Азии и Казахстана.

Таким образом, произошло размежевание классовых сил на два лагеря: лагерь революции, объединявший всех трудящихся без различия национальности в их борьбе за социальное и национальное освобождение, и лагерь контрреволюции, в котором сосредоточились реакционные силы царизма и местной эксплуататорской верхушки.

Восстание 1916 года, направленное против царизма и местных эксплуататоров, в основном было прогрессивным, народно-освободительным. Главной движущей силой восстания были крестьянские массы. Только в некоторых районах северо-восточной Киргизии оно носило реакционный, националистический характер, поскольку руководство восстанием захватили здесь феодально-клерикальные элементы, придавшие восстанию антирусское направление.

Прошедшая в феврале 1954 в г. Ташкенте объединенная научная конференция, посвященная истории народов Средней Азии и Казахстана дореволюционного периода, в своих решениях подтвердила правильность данного вывода.

Конференция историков обсудила также первый том „Очерков по истории Киргизской ССР“.

* * *

В настоящем выпуске помещены материалы конференции историков Киргизии совместно с историками Москвы, Ленинграда и братских союзных республик в мае 1953 года: доклад проф. А. В. Пяковского „О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков“, содоклады К. Усенбаева „О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг.“, доц. А. Ф. Лачко „О влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на характер национальных движений в Киргизии начала XX века“, доц. А. Г. Зимы „О характере восстания 1916 года в Киргизии“. В выпуске помещен также доклад канд. исторических наук А. Кибирова. О макете 1 тома „Очерков по истории Киргизской ССР“ и резолюции научной конференции.

А. В. Пяковский

О ХАРАКТЕРЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В КИРГИЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

1. В в е д е н и е

В последние годы, в результате вмешательства Центрального Комитета нашей партии, был вскрыт ряд серьезных идеологических извращений в области национального вопроса (история, литературоведение и др.), где пережитки буржуазной идеологии оказались наиболее живучими. „Пережитки капитализма в сознании людей“, — указывал И. В. Сталин, — гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме“.

Известно, например, что в киргизском литературоведении в течение долгого времени имела место идеализация и восхваление реакционных акынов XIX века — Калыгула, Арстанбека, Молдо-Кылыча, которые были объявлены „великими реалистами и демократами“, несмотря на то, что эти акыны являлись создателями так называемой „поэзии заманов“, проникнутой реакционной панисламистской и пантюркистской буржуазно-националистической идеологией.

В Казахстане делались попытки поднять на щит отъявленного врага казахского народа кровавого хана Кенесары Касымова и объявить прогрессивным, национально-освободительным восстанием в действительности реакционное феодально-монархическое, феодально-националистическое движение этого душителя трудящихся масс казахского народа.

В Якутии некоторые историки в своих порочных писаниях прославляли белобандитов-колчаковцев, махровых буржуазных националистов — Кулаковского, Софронова и Неустроева, выдавали их за „реалистов и просветителей“ якутского народа.

Эти идеологические извращения и ошибки, разного рода националистические „концепции“ и „теориейки“, враждебные марксизму-ленинизму, наносят серьезный ущерб всей идеологической работе в национальных республиках. Они способствуют оживлению пережитков национализма, идеологически разлагают неустойчивые элементы нашего общества, приносят огромный вред делу коммунистического воспитания трудящихся. Идеологические извращения и ошибки используются вражескими элементами в целях подрыва дружбы между народами, в целях возрождения чувства национальной вражды и недоверия среди народов СССР. И, конечно, далеко не случайно враги народа избрали своей мишенью именно дружбу народов, пытались ее поколебать, пытались вбить клин между народами Советского Союза. Ведь дружба народов—это одна из основных движущих сил советского государства, один из важнейших источников могущества и непобедимости СССР. „Пока дружба между народами СССР существует,—говорил И. В. Сталин,—народы нашей страны будут свободны и непобедимы“.

Поэтому необходимо решительно изживать чуждое советской науке примиренчество к идеологическим извращениям, бороться с этими извращениями и ошибками, воспитывать научные кадры в духе марксизма, в духе нетерпимости к малейшим отклонениям от марксистско-ленинской теории. Исторические решения ЦК КПСС по идеологическим вопросам и постановления XIX съезда партии с особенной остротой поставили вопрос о необходимости дальнейшего повышения идейного уровня всей идеологической работы, без чего невозможно успешно двигаться по пути к коммунизму.

* * *

Как известно, были вскрыты грубые теоретические политические ошибки и извращения в оценке характера некоторых национальных движений: например, движения мюридизма и Шамиля на Кавказе, Кенесары Касымова в Казахстане, Андижанского восстания 1898 г. Эти реакционные, феодально-националистические движения неправильно расценивались некоторыми историками как прогрессивные, объективно-революционные движения. Идеализировались (а кое-где и продолжают идеализироваться) и другие, подобные же реакционные движения: например, некоторые восстания в Грузии в первой четверти XIX века или некоторые восстания в Казахстане и Средней Азии.

Надо сказать, что и в Киргизии не все благополучно в этом отношении: у некоторых историков нет еще ясности в вопросе об оценке характера отдельных национальных движений и восстаний, например, Кокандского восстания 70-х годов XIX в. или восстания 1916 г. в некоторых районах северной Киргизии. Поэтому задача заключается в том, чтобы на основе методологических указаний классиков марксизма-ленинизма и глубокого изучения конкретных исторических материалов, дать правильную научную, марксистско-ленинскую оценку национальным движениям и восстаниям в Киргизии.

II. Классики марксизма-ленинизма о характере национальных движений

Рассмотрим предварительно вопрос о том, как классики марксизма-ленинизма подходили к оценке характера национальных движений и какие методологические указания мы имеем на этот счет.

Классики марксизма-ленинизма, Ленин и Сталин, дали в своих произведениях совершенно ясные и четкие методологические указания, на основе которых можно безошибочно разобраться в характере любого конкретного движения или восстания в любой стране.

Марксизм-ленинизм рассматривает национальный вопрос не как самостоятельный, самодовлеющий вопрос, а как вопрос, подчиненный общему вопросу о социально-политическом развитии общества, как вопрос, подчиненный задачам общереволюционной борьбы.

В своей речи в югославской комиссии ИККИ в 1925 году И. В. Сталин указывал: „Основная суть большевистского подхода к национальному вопросу состоит в том, что большевики всегда рассматривали национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой“ (Соч., т. 7, стр. 69). Поэтому любую национальную борьбу, любое национальное движение классики марксизма-ленинизма рассматривали с точки зрения развития классов и классовой борьбы, с точки зрения интересов революционного движения в целом.

Исходя из этой, единственно правильной, постановки национального вопроса, классики марксизма-ленинизма приходили к выводу, что далеко не всякое национальное движение или восстание, не всякая национальная война или борьба являлась по своему характеру прогрессивным, национально-освободительным, объективно-революционным движением. Некоторые из таких движений, войн и восстаний носили реакционный, националистический характер.

И. В. Сталин указывал на значительную условность, относительность, своеобразие как объективно революционных, так и реакционных национальных движений. „Несомненная революционность громадного большинства национальных движений,—писал он,—столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений“ (Соч., т. 6, стр. 143).

Чтобы отличить объективно-революционные национальные движения от движений реакционных, марксизм-ленинизм требует прежде всего изучения конкретных исторических условий, в которых протекали те или иные национальные движения, та или иная борьба за независимость.

Именно в зависимости от тех или иных конкретных исторических условий отдельные национальные движения носили либо прогрессивный, революционный характер, либо, наоборот, оказывались движениями реакционными.

Какой же критерий выдвигает марксизм-ленинизм при оценке характера того или иного конкретного национального движения?—Этим критерием является вопрос о том, насколько данное национальное движение способствовало, или, наоборот, тормозило развитие мирового революционного движения (в прошлом—мирового общедемократического движения, ныне—мирового коммунистического движения). В этом—вся суть вопроса.

Таким образом, если данное, конкретное национальное движение, национальная война, борьба за независимость или отдельное восстание двигало вперед, помогало развитию мирового революционного движения, то такое движение (независимо от состава его участников) носило прогрессивный, объективно-революционный характер. Если же национальное движение, национальная война, борьба за независимость или отдельное восстание тормозило развитие мирового революционного движения, играло на руку мировым реакционным силам, укрепляло эти реакционные силы, или хотя-бы косвенно поддерживало их (например, Британскую империю или русский царизм, который в XIX веке, по словам И. В. Сталина, был „опаснейшим врагом революционного движения в Европе“, реакционный империализм в XX веке и т. п.), то такое движение (также независимо от состава его участников) носило реакционный характер.

В подтверждение этих положений приведу некоторые высказывания классиков марксизма-ленинизма.

И. В. Сталин указывал на необходимость расценивать отдельные национальные движения „не с формальной точки зрения, не с точки зрения абстрактных прав (той или иной нации, того или иного народа—А. П.), а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения“ (Соч., т. 6, стр. 143). „Отдельные требования демократии,—писал Ленин в 1916 году,—в том числе самоопределение, не абсолюты, а частичка общедемократического (ныне общесоциалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее“ (Соч., т. 22, 4-е изд., стр. 326).

Эти общие марксистско-ленинские положения верны для оценки любого национального движения, национальной войны или восстания. Только исходя из этих указаний классиков марксизма-ленинизма, можно правильно подойти к оценке любого конкретного национального движения, определить его характер и решить—носило ли оно прогрессивный, объективно-революционный характер или было, наоборот, движением реакционным.

Таким образом, вовсе не обязательно, наличие пролетарских элементов в движении, наличие революционной или республиканской программы движения, наличие демократической основы движения для того, чтобы оценивать то или иное национальное движение или восстание, ту или иную борьбу за независимость, как имеющие объективно-революционный, прогрессивный характер. „Борьба афганского эмира за независимость Афганистана,—говорил И. В. Сталин,—является объективно революционной борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм“... (Соч., т. 6, стр. 143—144). Вместе с тем, следует здесь же подчеркнуть, что национальные восстания или борьба за независимость, возглавлявшиеся реакционными классами (например, феодальной аристократией, феодалами) и направленные на укрепление их классовых позиций, всегда оказывались восстаниями реакционными, феодально-националистическими, так как подобные движения, никогда не помогали развитию мирового революционного движения, а, наоборот, всегда играли на руку мировым реакционным силам. Вот почему Ленин указывал: „Мы должны поддерживать всякое восстание против нашего главного врага, буржуазии

крупных государств, если это не восстание реакционного класса“ (Соч., т. 22, 4-е изд., стр. 318).

С другой стороны, наличие демократических элементов в движении (прежде всего, крестьянства) отнюдь не всегда указывает на прогрессивный, объективно-революционный характер того или иного движения. В истории неоднократно бывали случаи, когда стихийное движение масс использовалось эксплуататорской верхушкой в реакционных целях, когда недовольство угнетенных масс направлялось (независимо от воли и желания этих масс) во вред мировому революционному движению, на укрепление реакционных сил. Например, движение Бача-и-Сакао в Афганистане в 1928—1929 гг., направленное на свержение эмира Амануллы и спровоцированное англичанами, хотя и было демократическим по составу его участников (сам Бача-и-Сакао—сын водовоза), хотя и было направлено против монарха (эмира),—однако носило оно ярко выраженный реакционный характер, ибо способствовало укреплению позиций империалистической Англии в Афганистане, укреплению, а не расшатыванию основ английского и мирового империализма. То же можно сказать и о движении Шамиля на Северном Кавказе, использовавшего массы в реакционных целях и т. д.

Таковы, в общем, основные методологические положения марксизма-ленинизма, которые дают возможность правильно разобраться в любом конкретном национальном движении и безошибочно оценить его характер.

III. Еще некоторые теоретические вопросы

Для облегчения ориентировки в вопросе о характере национальных движений в Киргизии необходимо предварительно рассмотреть еще некоторые вопросы теоретического порядка.

Это, прежде всего, вопрос о прогрессивности присоединения среднеазиатских народов к России. Сейчас, видимо, уже совершенно ясно для всех, что присоединение Средней Азии и ее народов к России было явлением прогрессивным. Но у некоторых историков нет еще ясности в вопросе о том, в чем же заключалась прогрессивность включения Средней Азии в состав царской России, почему присоединение Средней Азии и ее народов к России было явлением исторически прогрессивным, тогда как угроза поражения среднеазиатских народов со стороны Англии ничего прогрессивного собой не предвещала, как, наконец, сочетание разбойничью политику царизма по удушению народов Туркестана с признанием исторически прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России.

Некоторые думают, что прогрессивность присоединения Средней Азии к России заключалась, прежде всего, в том, что с приходом царской России начали развиваться в этом крае капиталистические отношения. Несомненно, развитие капиталистических отношений в Средней Азии было одним из прогрессивных последствий присоединения этой страны к царской России. Однако отнюдь не в этом заключался основной, главный элемент прогрессивности присоединения. Неверно также утверждение отдельных историков (например, М. В. Нечкиной), что главный элемент прогрессивности заключался в расширении культурного влияния России.

Что же являлось тогда главным прогрессивным последствием присоединения Туркестана к царской России?

Россия, как известно, уже во второй половине XIX века, то-есть в период завоевания и присоединения Средней Азии к России, быстрыми шагами шла к революции. На это обстоятельство неоднократно указывали Маркс и Энгельс. Так, например, в 1877 году Маркс писал в письме к Зорге: „Россия.. давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого уже готовы... Революция начнется на этот раз на Востоке“... (Соч., т. XXVI, стр. 480). В 1882 году Маркс и Энгельс совершенно определенно указывали на выдающуюся роль России в мировом революционном движении: „Россия,—писали они в предисловии к русскому изданию „Манифеста коммунистической партии“,—представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе“ (Соч., т. XV, стр. 601) и т. д.

Все это ясно указывало на то, что центр мирового революционного движения постепенно перемещался в Россию, и к началу XX века Россия с ее революционнейшим рабочим классом и крестьянством действительно стала центром революции, послужила очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции“ (Сталин).

Совсем иное положение было в это время, т. е. во второй половине XIX и в начале XX веков, в капиталистической Англии. В силу целого ряда исторических причин, в силу экономических особенностей Англии (колониальные преимущества, монопольное положение на мировом рынке и проч.) рабочий класс этой страны подпал на целые десятилетия под влияние английской буржуазии, стал ее хвостом. А это привело к тому, что в указанный выше период Англия являлась страной, находившейся во власти реакции, страной, лишенной надолго революционных перспектив.

Маркс и Энгельс, которые, как мы видели, высоко оценивали революционные перспективы России, совсем по-иному писали в это же самое время о положении в Англии. Еще в 1863 году в своем письме к Марксу Энгельс подчеркивал: „... В данный момент... у английского пролетариата почти совершенно улетучилась революционная энергия и английский пролетарий совершенно примирился с господством буржуазии“... (Соч., т. XXIII, стр. 142). Так же расценивал и Ленин положение в Англии во второй половине XIX—начале XX веков. Он писал, например, в 1914 году: „В Англии либеральная буржуазия... сумела на десятилетия развратить и доработать идейно большинство сознательных рабочих“ (Соч., т. 20, 4-е изд., стр. 245).

Итак, если Россия в период завоевания Средней Азии была страной, идущей быстрыми шагами навстречу революции, а к началу XX века стала центром мирового революционного движения, очагом ленинизма, то Англия, наоборот, являлась в это самое время страной, находившейся во власти реакции, страной „отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата“ (Ленин). Если великий русский народ и его рабочий класс становился передовой, прогрессивной и могучей революционной силой, то английский народ и его рабочий класс пребывали в это самое время в длительной политической спячке, находились, по выражению Ленина, „не во главе народов и классов, борющихся за свободу, а в хвосте презренных лакеев денежного мешка, господ английских либералов“ (Соч., т. 20, 4-е изд., стр. 132).

Поэтому, естественно, подпадение Средней Азии под владычество Англии, если бы оно произошло, явилось бы величайшим несча-

стьем для среднеазиатских народов, так как никаких перспектив к освобождению местного коренного населения эта связь с Англией не несла и не могла принести.

Совершенно иные перспективы открыло среднеазиатским народам присоединение их к России, находившейся в то время на грани революции. С присоединением к России коренное население Туркестана вошло в непосредственное соприкосновение с великим русским народом и его рабочим классом—самым революционным классом во всем мире. И это оказалось в конечном историческом итоге настоящим счастьем для народов Средней Азии. Мощное воздействие революционных, марксистско-ленинских идей на трудящиеся массы местного коренного населения, помощь со стороны русского народа и его рабочего класса народным массам Туркестана в их национально-освободительной борьбе, соединение этой борьбы с русским революционным движением, приобщение народов Средней Азии к передовой русской культуре и т. д.—все это явилось залогом полного национального и социального освобождения трудящихся масс коренного населения Средней Азии, которое и произошло уже через несколько десятилетий после завоевания в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Именно в этом и заключалось великое историческое значение присоединения Средней Азии к России.

Глубоко прогрессивным оказалось также влияние России на развитие экономики и культуры среднеазиатских народов, которое осуществлялось помимо царизма и вопреки его угнетательской, колониальной политике.

Несомненно, прогрессивную роль сыграла установившаяся в результате завоевания непосредственная связь среднеазиатской экономики со значительно более развитой экономикой России. Эта связь, как известно, начала налаживаться еще до завоевания. Но присоединение Средней Азии к России содействовало тому, что эта обширная страна стала довольно быстро втягиваться в общее русло экономического развития России. Началось постепенное проникновение в Среднюю Азию капиталистических отношений и разложение феодально-патриархальных; все более и более включалась она в общероссийское и мировое товарное обращение; получила она современные пути сообщения (железные дороги) и средства связи; началось разрушение замкнутого натурального хозяйства; вытеснялись и падали вековые кустарные промыслы и проч. Это означало уничтожение старинной патриархальной замкнутости Средней Азии, хозяйственное сближение среднеазиатских народов с народами России, постепенное объединение громадных территорий России и Туркестана в одно связное целое. Этот процесс, указывал И. В. Сталин, несмотря на насильственные формы объединения, „был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства“. Включение Средней Азии в русло экономического развития России значительно ускорило развитие производительных сил в этой стране, хотя оно и совершалось в уродливых, колониальных формах. Уже с последней четверти XIX века в экономике Средней Азии происходили существенные сдвиги: появились промышленные предприятия, хлопкоочистительные, шелкомотальные, пищевые, горные и др. В связи с этим начался, хотя и медленный, „процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности“.

(Ленин) и создания кадров промышленного пролетариата. Заметно оживилась и расширилась торговля. Расширение же торговли и производства повело к оживлению городской жизни: на пустом месте строились новые города, которые привлекали новые массы населения. Стало заметно развиваться и сельское хозяйство, причем особенно расширились посевы хлопчатника и значительно улучшилось его качество; ускорился процесс оседания кочевников и проч.

Столь же прогрессивным оказалось и воздействие на народы Средней Азии передовой культуры великого русского народа. Под влиянием русской демократической культуры и в Средней Азии выросла целая плеяда крупных культурных деятелей—Валиханов и Абай, Хамза и Токтогул, Мукими и Фуркат и другие.

Присоединение Средней Азии к России имело вместе с тем и некоторые другие положительные стороны: исчезла угроза порабощения народов Туркестана со стороны Англии и более отсталых, нежели царская Россия, государств; прекратились почти непрерывные, разорительные для населения Средней Азии и препятствовавшие развитию экономики этого края, междоусобные феодальные войны, набеги, аламанство и барынта; было уничтожено рабство на территории Средней Азии и проч. Энгельс в одном из своих писем к Марксу писал: что „Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку“, что „господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...“ (Соч., т. XXI, стр. 211).

Следует подчеркнуть при этом со всей решительностью, что признание прогрессивности присоединения Средней Азии к России несколько не противоречит одновременному признанию всей гнусности и мерзости царского хозяйничанья в Туркестане. Ленин писал в „Развитии капитализма в России“: „Признание прогрессивности этой роли (т. е. исторической роли капитализма в хозяйственном развитии России—А. П.) вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма...“ (Соч., т. 3, стр. 523). Поэтому, говоря о прогрессивности присоединения Средней Азии к России, совершенно недопустимо умалчивать при этом о зверской, угнетательской политике царского самодержавия в Туркестане. На это обстоятельство указывали И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров в своих „Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР“: „В конспекте, — писали они, — не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками („царизм—тюрьма народов“)“. Следовательно, необходимо подчеркивать указанную роль царизма.

Итак, совершенно непозволительно смешивать два различных вопроса: грабительскую, аннексионистско-колонизаторскую политику царского самодержавия в Средней Азии с той объективно-прогрессивной ролью, которую сыграло для народов Средней Азии присоединение этой страны к России. Совершенно недопустимо смешивать царизм и его волчью политику по удушению народов Туркестана с великим русским народом, который, как должно быть ясно каждому, не несет и не может нести ответственности за эту политику, который не только не имел ничего общего с этой зверской политикой, но, наоборот, активно боролся против неё совместно с угнетенными народами Средней Азии.

Рассмотрим теперь вопрос о роли национальной буржуазии Сред-

ней Азии в национальных движениях. Это тем более необходимо, что в этом вопросе посеяно немало путаницы и всевозможных буржуазно-националистических извращений.

Как известно, классики марксизма-ленинизма указывали неоднократно, что национальная буржуазия колониальных и зависимых стран даже в период империализма может сыграть на известной стадии прогрессивную, объективно-революционную роль, „может, — по словам И. В. Сталина, — поддержать революционное движение своей страны против империализма“. Однако она способна на борьбу (весьма непоследовательную, строго ограниченную, половинчатую) против империализма лишь на известный срок, лишь до поры—до времени: именно до тех пор, пока в данной стране не развернется мощное революционное движение рабочих и крестьян. С ростом же революционного движения национально-либеральная буржуазия немедленно порывает с лагерем революции и вступает в блок с империализмом, ибо она боится революции больше, чем империализма. Таким образом, поведение либеральной национальной буржуазии целиком зависит от поведения и революционной активности народных масс, определяется этим поведением и степенью их активности.

На основе этих марксистско-ленинских положений делался в отношении Средней Азии, однако, совершенно неверный вывод: национально-либеральная буржуазия Туркестана огульно объявлялась прогрессивной, революционной силой, выступавшей будто (по крайней мере, в период первой русской революции) во главе народных масс против царизма; контрреволюционные буржуазно-националистические (джадидское, алашское) движения выдавались за движения, сыгравшие якобы положительную, прогрессивную, объективно-революционную роль.

Для того, чтобы определить, способна ли национальная буржуазия той или иной колониальной или зависимой страны поддержать революционное движение своей страны против империализма, необходимо, прежде всего, глубокое изучение конкретных исторических условий и особенностей данной страны.

Каковы же были эти особенности и конкретные исторические условия в Средней Азии в интересующий нас период.

В Средней Азии, как известно, позже, чем на других национальных окраинах царской России, начали развиваться капиталистические отношения; позже, чем в других национальных районах начала формироваться национальная промышленная буржуазия. Этот процесс в Туркестане только еще начался; он не закончился и к моменту Октябрьской социалистической революции. Поэтому молодая, еще весьма немногочисленная национальная буржуазия Средней Азии лишь к началу XX века, т. е. уже в эпоху империализма, начала складываться в самостоятельный класс и лишь в период революции 1905—1907 годов выступила впервые на политической арене. Она положила начало контрреволюционному буржуазно-националистическому (джадидскому и алашскому) движению в Средней Азии. А между тем к началу XX века, т. е. до времени складывания национальной буржуазии Средней Азии в самостоятельный класс и выступления её на политической арене, Россия стала центром мирового революционного движения; она находилась на грани буржуазно-демократической революции, которая должна была послужить прологом пролетарской революции.

Именно это и сыграло решающую роль в поведении молодой среднеазиатской национальной буржуазии. Революционная активность русского пролетариата, который уже в революцию 1905—1907 гг. повел за собой пролетариев угнетенных наций, испугала и с самого начала отбросила национальную либеральную буржуазию и буржуазно-националистическую интеллигенцию Средней Азии в лагерь реакционного царизма. А это привело к тому, что национально-либеральная буржуазия Средней Азии оказалась контрреволюционной силой, можно сказать, с самого своего рождения и никогда не играла прогрессивной, объективно-революционной роли в национальных движениях, национальных войнах и восстаниях против империализма (царизма). Именно к национальной буржуазии Средней Азии особенно приложимы следующие ленинские слова, характеризующие поведение этой буржуазии перед лицом нарастающего революционного движения рабочих и крестьян: „Буржуазия угнетенных наций, — указывал Ленин, — только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа...“ (Соч. т. 23, 4-е изд., стр. 49). Эти ленинские слова как нельзя лучше характеризовали среднеазиатскую национальную буржуазию, показывали ее подлинное классовое лицо.

Рассмотрим еще один теоретический вопрос — вопрос о правомерности, прогрессивности национально-освободительной борьбы среднеазиатских народов против царского самодержавия.

Иные думают, что признание прогрессивности присоединения Средней Азии к России несовместимо с одновременным признанием прогрессивности, правомерности сопротивления среднеазиатских народов царскому завоеванию и насильственному их присоединению. Однако это совершенно неверно. Как присоединение Средней Азии к России, так и сопротивление среднеазиатских народов насильственному их присоединению выражали собой две различные тенденции, и, притом, обе эти тенденции являлись прогрессивными. Первая из них (т. е. завоевание и присоединение) являлась тенденцией, направленной к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов, к постепенному объединению громадных территорий в одно связанное целое. Вторая же тенденция была направлена на уничтожение насильственных форм этого объединения и требовала объединения народов на началах сотрудничества и добровольного союза. Обе эти тенденции фактически выражали собой „непримиримое противоречие между процессом хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения“ (из резол. XII съезда РКП(б)). „Борьба этих двух основных тенденций, — сказано в резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу, — выраженных в формах, свойственных капитализму, наполняет историю многонациональных буржуазных государств за последнее столетие. Непримиримое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств“ („КПСС в резолюциях и решениях“, ч. 1, изд. 7-е, 1954, стр. 710). Таким образом, не только первая из этих тенденций (присоединение Средней Азии), но и вторая (т. е. тенденция к уничтожению насильственных форм хозяйственного объединения народов) „была и остается, по словам резолюции XII съезда РКП(б), тенденцией прогрессивной“.

Но что это означает: борьба за уничтожение насильственных

форм объединения? Означает ли она, что народы Средней Азии уже после своего присоединения к России должны были бороться за отделение от этой страны? И была ли вообще прогрессивная борьба за отделение от России среднеазиатских народов во второй половине XIX и в начале XX веков? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Если бы даже удалось любому народу Средней Азии отделиться в рассматриваемое время от царской России, он все равно не добился бы национальной независимости, ибо неизбежно подпал бы под власть значительно более отсталых, чем Россия, феодальных деспотий или Англии. Вместе с тем, отделение от России привело бы к разрыву уже установившихся связей с русским народом и его революционной рабочей массой. А этот разрыв связей между русским народом и народами национальных окраин России, несомненно, был не в интересах развития мирового революционного движения, он ослабил бы общий натиск на одну из мировых реакционных сил — на царское самодержавие. Еще в 1905 году Ленин писал; „у нас целый ряд угнетенных царизмом народностей... делают натиск на самодержавие особенно энергичным“ (Соч., т. 8, 4-е изд., стр. 229). Следовательно, если бы угнетенные царизмом народности отделились от России, вместо того, чтобы бороться совместно, — общий натиск на самодержавие, безусловно, был бы ослаблен.

Национально-освободительная борьба вовсе не предполагает обязательного отделения. Во все не обязательно было отделяться от России, чтобы получить национальную свободу. Наоборот, существовал другой, значительно более верный, вполне осуществимый и теперь уже осуществленный путь: борьба за национальное освобождение в рамках России, борьба совместно с русским народом и другими народами России против царского абсолютизма под руководством русского пролетариата, во главе с партией большевиков. Это был даже единственный путь для среднеазиатских народов добиться действительного освобождения и независимости. Именно на этом пути народы Средней Азии и добились своего социального, в том числе и национального, освобождения. Таким образом, национально-освободительная борьба в рамках России была вполне правомерным, прогрессивным явлением.

* * *

История России и, в частности Киргизии, второй половины XIX и начала XX веков делится на два основных этапа, причем, примерной гранью между этими этапами являются 1904—1905 годы, когда, как указывал И. В. Сталин, произошел исторический поворот в развитии России в сторону буржуазно-демократической революции. Примерно в это же время (к началу XX века) Россия вступила в империалистическую стадию своего развития; в это же время переместился в Россию и центр мирового революционного движения. Все это оказало колоссальное влияние на характер дальнейшей национально-освободительной борьбы угнетенных народов царской России.

В связи с этим, рассмотрение национальных движений в Киргизии мы разобьем на две части: национальные движения во второй половине XIX века (I-й этап) и национальные движения в период империализма (II-й этап).

IV. Национальные движения в Киргизии на первом этапе (во второй половине XIX века)

Каковы же были конкретные исторические условия и историческая обстановка в Киргизии в третьей четверти XIX века?

Еще в начале 50-х годов вся Киргизия (как северная, так и южная) находилась под властью Кокандского ханства. Киргизский народ был лишен самостоятельности и независимости. Он изнывал под колониальным гнетом отсталой Кокандской деспотии, был раздроблен на отдельные племена и роды, которые вели между собой непрерывную борьбу („барымта“) из-за пастбищ, водопоев и скота. Чтобы держать в повиновении киргизский народ, кокандские ханы вели политику натравливания родов и племен друг на друга, политику задабривания родо-племенных вождей путем приближения их к себе, принятия на службу, раздачи им всевозможных почетных титулов („датха“, „пансат“ и др.). Иногда киргизским феодалам удавалось даже захватывать в свои руки фактическую власть в Кокандском ханстве и влиять на ход дел в этом ханстве. Рядовая же масса киргизского народа находилась под тяжелым двойным гнетом — „своих собственных“ феодально-манапских элементов и правящих кругов Кокандского ханства. В это же время с юга приближалась к границам Средней Азии (в том числе и Киргизии) хищная Англия, пытавшаяся захватить эту обширную и богатую страну.

В таких условиях началось движение царских войск в конце 50-х — начале 60-х годов в северную Киргизию, большая часть которой, желая избавиться от колониального гнета и притеснений со стороны Кокандского ханства, вскоре добровольно приняла подданство России.

Иначе сложилась обстановка в это время в южной Киргизии, которая еще находилась под властью кокандской деспотии. Уже к концу 60-х — началу 70-х годов положение в самом Кокандском ханстве резко изменилось: продвигаясь вглубь Средней Азии царская Россия захватила значительную часть территории на севере и западе этого ханства. В результате Кокандское ханство оказалось ограниченным фактически одной лишь Ферганской долиной с прилегающими горами. Кокандский хан Худояр, чтобы не лишиться окончательно власти, вынужден был заключить с царскими властями договор 1868 года, который фактически ставил остатки Кокандского ханства в вассальную зависимость от царского самодержавия. Все это имело своим последствием весьма существенное изменение обстановки в Кокандском ханстве. Резкое (более, чем наполовину) сокращение территории ханства, в связи с царскими завоеваниями в Средней Азии, привело к столь же резкому сокращению источников дохода ханской казны. Налог, которые выжимались в прошлом со всей территории ханства, теперь ложились всей тяжестью на население одной Ферганской долины и прилегающих гор. Это усилило налоговое бремя до чудовищных размеров. Всевозможные финансовые комбинации Худояр-хана в целях увеличения своей личной казны, усилившиеся обирание населения со стороны сильно раздутой в это время ханской армии, жившей за счет поборов с населения, наконец, наплыв в Фергану огромной массы ханских чиновников, бежавших с занятых царизмом территорий и пожиравших буквально все, что еще оставалось у населения, — все это еще больше увеличивало тяготы трудящихся

масс Кокандского ханства и вело к их полному разорению. В результате народные массы ханства, безмерное обирание которых сопровождалось к тому же неслыханными насилиями и жестокостями распоясавшегося хана, были доведены к 70-м годам до такого состояния, когда, по выражению Энгельса, — было „невозможно ни жить, ни умереть“ (Соч., т. XV, стр. 408). Столь безмерный и открытый грабеж населения, выжимание из него всех жизненных соков, сопровождавшееся чудовищными насилиями, были возможны только благодаря тому, что ханскую власть после заключения договора 1868 года поддерживали царские власти. Только опираясь на эту поддержку, Худояр-хан и смог во-всю распоясаться. „Могущественное покровительство русских (т. е. царских властей — А. П.), — писала газета „С. Петербургские Ведомости“, — служило (хану — А. П.) одним из средств запугивания своих непокорных подданных, особенно киргизов“ (№ 268 от 28 сентября 1874 г.). Естественно, это вызвало острое недовольство и озлобление среди населения, особенно среди кочевников (киргизы, кипчаки), которое, все нарастая, вылилось в конце концов в бурное восстание 70-х годов.

В резкой оппозиции к хану Худояру находились и верхушечные слои ханства: феодальные элементы, духовенство, купечество. Даже ближайшее окружение хана было недовольно его политикой и желало его смены. „...Не только народ, — сказано во „всеподданнейшем отчете“ Кауфмана за 1877—1885 гг., — но и приближенные, окружающие хана, были возбуждены против него вследствие несправедливости, жестокости и мстительности его.“ (ЦИА УЗССР, ф. 11/с, оп. 3, д. 346, лл. 93—176). Помимо чудовищной жестокости, мстительности и страшной подозрительности хана, державших даже наиболее высокопоставленных лиц в постоянном трепете за свою жизнь, недовольство верхушечных слоев ханства питали еще многие причины. Выкачивание всех жизненных соков из населения и всевозможные финансовые упрямления хана не только резко сокращали доходы верхушечных групп, на долю которых почти ничего не оставалось, но и задевали их непосредственно: был введен ряд новых налогов на духовенство, на торговцев, землевладельцев, производились различные поборы с них и проч. Кроме того, связь хана с царскими властями лишала верхушечные слои, с которыми Худояр-хан теперь очень мало считался, многих привилегий к бывшей власти. Свое недовольство политикой Худояр-хана эти элементы прикрывали ссылками на то, что, мол, все нововведения хана и его связи с царскими властями („неверными“ русскими) противоречат шариату и подрывают устои мусульманской религии.

Таким образом, к началу 70-х годов резкое недовольство Худояр-ханом и его политикой охватило фактически все слои населения Кокандского ханства. Назревали серьезные события.

Однако различные слои населения по-разному реагировали на изменившуюся, в связи с царскими завоеваниями в Средней Азии, обстановку в ханстве; на разных путях искали они выхода из создавшегося невыносимого положения.

Верхушечные, консервативные, реакционные элементы (военная и чиновничья аристократия, мусульманское духовенство, феодальные элементы) составляли в своем большинстве так называемую „партию войны“ с Россией, „партию“ непримиримых врагов России. Эта „партия“ искала выхода из создавшегося положения в войне с Россией, в

замене хана, покорившегося „неверным“ русским, другим ханом, который порвал бы с Россией, начал бы с ней войну и восстановил бы Кокандское ханство в его прежних границах. Таким образом, „партия войны“ видела для себя единственный выход из создавшегося положения в возврате к прошлому, в восстановлении ханства в старых границах, в восстановлении благодаря этому былых своих доходов, привилегий, могущества и власти.

Совсем на иных путях искали выхода из создавшегося весьма тяжелого положения трудящиеся массы Кокандского ханства. В начале 70-х годов (т. е. накануне и на первом этапе восстания) народные массы не только не питали никакой враждебности к России, но, наоборот, видели в ней единственное средство избавления от кошмарного режима, царившего в ханстве; в своей борьбе с деспотической ханской властью они искали помощи и защиты у русских. С этой целью они не раз обращались с просьбами о принятии их в русское подданство. Итак, не в войне, не в возврате к прошлому, а, наоборот, в сближении с Россией, в присоединении к России, в добровольном принятии русского подданства видели народные массы единственный для них выход из создавшегося положения.

Об этом говорят со всей очевидностью весьма многие факты. Например, в записке от 26 августа 1873 г., составленной на основании сведений, доставленных жителями Куль-Магометом и Магомет-Муратом из Кокандского ханства, читаем: „Киргизы находятся в постоянных сношениях с Кокандом, Наманганом, Маргеланом и другими городами ханства. Во всех этих городах существуют громадные массы недовольных и если они сделают почин серьезных действий, то все недовольные тотчас же к ним пристанут. Относительно правительства, которое желательно установить по низвержении хана, существуют три партии. Две из них имеют кандидатов на престол (каждая своего), а третья, и самая большая, желает водворения русских. Киргизы также этого желают, говоря, что сколько сот киргизов-единоплеменников (т. е. казахов—А. П.) в подданстве белого царя в Оренбургском крае, в Сибири и в Туркестане и все благодарят бога. Того же желаем и мы“ (ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. I, д. 278, лл. 16—18).

В газете „Голос“ (в номере от 12 июля 1874 г.) мы можем прочесть следующие строки: „Южные киргизы попытались, прежде всего, искать помощи у русских и летом прошлого (т. е. 1873—А. П.) года изъявили свое желание принять русское подданство“ и т. д.

Таким образом, народные массы Кокандского ханства в начале 70-х годов отнюдь не питали никакой враждебности к России, а, наоборот, в своей борьбе с деспотической ханской властью искали помощи и защиты у русских.

Но и в среде эксплуататорских элементов, даже среди отдельных групп духовенства и феодалов, вовсе не было сплошного враждебного отношения к России. И среди этих слоев населения существовала в начале 70-х годов „партия“, желавшая сближения с Россией, мечтавшая о принятии русского подданства. Причем, этого особенно желало купечество, которому необходимы были хоть какие-либо правовые гарантии и известная безопасность, чего в Кокандском ханстве и не было. Неслучайно поэтому в заявлении посланца „почетных людей Наманганского края“ купца Ахмета-Ходжи, прибывшего в 1871 году в гор. Верный с просьбой о принятии этого края в русское подданство, сказано: „Сверх того народ желает в русском подданстве

пользоваться тем же спокойствием и безопасностью, какими пользуются русские сыр-дарьинские города“ (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 3, д. 122, лл. 1—3). Интересно, что в числе подписавших эту просьбу о принятии в подданство России значилось, помимо купечества, немало и духовных лиц: 1 ишан и 18 ходжей.

Весьма важно отметить, в целях правильной характеристики Кокандского восстания 70-х годов, что киргизские феодальные элементы (например, Мамыр, Мусульман-Кул, Абду Мумын и даже Пулат-бек, т. е. руководители восстания 1873-1874 гг. на Чаткале), которые позже (в 1875 году) подняли знамя газавата против России и русских, также отнюдь не были в начале 70-х годов (т. е. накануне и в начале восстания) враждебно настроенными против России. Наоборот, они рассчитывали, покончив с Худояр-ханом и создав новое правительство из киргизских феодальных элементов, быть в дружественных отношениях с царскими властями. Об этом мы узнаем, например, из вышецитированного „всеподданнейшего отчета“ фон-Кауфмана за 1877—1885 гг., где сказано: „Мамыр-бача просил также о принятии его в русское подданство, ...Вместе с Мусульман-Кулом появился на Чаткале и юный претендент на ханский престол некто Сеид-Пулат-бек (дальний родственник Худояра). Инсургенты переманили к себе Мумына с целью употребить его, в случае успеха, при переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись быть в хороших и дружественных отношениях“ (ЦГИА УзССР ф. 11/с, оп. 3, д. 346, лл. 93—176).

Итак, мы можем констатировать, что совершенно несостоятельны утверждения некоторых историков, например, авторов и редакторов II-го тома „История народов Узбекистана“ (см. стр. 242—245), о том, что в 70-х годах, якобы, все население Кокандского ханства было враждебно настроено по отношению к России, что основной движательной пружиной всего Кокандского восстания была борьба с Худояр-ханом (позже с Насреддин-ханом), лишь поскольку они связывали судьбу ханства с царской Россией. Эти историки поэтому рассматривали восстание народных масс в 70-х годах, как „национально-освободительную войну против иноземных завоевателей“ (стр. 244) и против продавшегося им хана, как протест против политики хана, направленной на мирное подчинение России. Но это совершенно неверно, так как противоречит действительности, противоречит историческим фактам. Народные массы Кокандского ханства, как мы видели, отнюдь не были противниками присоединения к России, отнюдь не были сторонниками войны с Россией. Это верно, как уже показано выше, лишь в отношении сравнительно небольшой группы—так называемой „партии войны“ с Россией, состоявшей из представителей мусульманского духовенства (преимущественно высшего, т. е. улемы), военной и чиновной аристократии и феодальных элементов (и то далеко не всех).

Весьма значительную роль в восстании 70-х годов сыграли межнациональные отношения, существовавшие в Кокандском ханстве, которые всегда оказывали сильное влияние на общее политическое положение в этом ханстве. Хотя господствующей народностью в ханстве являлись узбеки, в руках феодальной верхушки которых была сосредоточена высшая власть, а кочевники (киргизы, кипчаки) находились на положении угнетенных народностей, особенно притесняемых и эксплуатируемых, однако кокандским ханам все же никогда не удавалось прочно подчинить эти народности своей власти. Пользуясь

труднодоступностью своих горных кочевий, кипчаки и киргизы сохраняли в значительной мере свою самостоятельность и некоторую независимость. Эта недоступность для ханских войск киргизских и кипчакских кочевий вела к почти полной безнаказанности кочевников и создавала такое положение в Кокандском ханстве, при котором очень многое зависело от их поведения. Вот почему кипчаки и киргизы выступали зачастую в роли той силы, которая свержала или помогала свергнуть неугодных ханов и возводила или помогала возводить на престол новых. При этом кипчаки и киргизы оказывались иногда у власти, и играли фактически решающую, руководящую роль в политической жизни ханства (например, при Мусульман-Куле, Алим-Куле и др.). Сам Худояр-хан лично испытал это: он был посажен на кокандский престол кипчакскими феодалами и дважды свергнут с престола кипчакскими и киргизскими феодалами. Поэтому кокандские ханы вынуждены были вести политику задобривания и уступок по отношению к кипчакским и киргизским феодально-родовым вождям. Эти элементы могли рассчитывать на участие в управлении ханством и на получение соответствующей доли доходов, а потому были заинтересованы в сохранении Кокандского ханства. Рядовая же масса киргизского народа находилась под тяжелым двойным гнетом — «своих собственных» феодально-манапских элементов и правящих кругов Кокандского ханства.

Огромное значение для правильного понимания характера Кокандского восстания 70-х годов имеет вопрос об отношении в это время Англии к Средней Азии.

Многочисленные данные совершенно неопровержимо указывают на то, что к началу 70-х годов, действуя за спиной Турции и Кашгара (Якуб-бек), Англия плела тонкую интригу на территории Кокандского ханства, пытаясь распространить свое влияние в этой стране, дабы не допустить ее захвата со стороны царской России.

Особенно усилила Англия свои происки и интриги в Средней Азии с конца 50-х — начала 60-х годов, когда царские войска ускоренным маршем двинулись в Туркестан. Она организовала и всячески поддерживала любое антирусское движение, снабжала участников этих движений оружием, деньгами и проч. Всеми мерами пыталась она задержать продвижение царских войск в глубь Средней Азии, распространяя всевозможные версии об угрозе Индии, о стеснениях английской торговли и т. п.

Однако, это была лишь дымовая завеса, за которой скрывалось истинное стремление Англии к захвату этой обширной и богатой страны.

В 70-х годах английская агентура уделяла особенное внимание Кашгарии, где в половине 60-х годов захватил государственную власть Якуб-бек. Отсюда, при помощи султанской Турции, она усиленно плела интриги в расположенном по соседству Кокандском ханстве. Мы имеем многочисленные указания на этот счет.

Пока царские власти медлили с признанием Якуб-бека, Англия уже успела более или менее прочно обосноваться в Кашгарии. Английские агенты, как официально, так и под видом купцов и различных «исследователей» и «охотников», зачастили в эту страну. Например, в 1870 и 1873-1874 гг. дважды посетило Кашгар английское посольство с правительственным комиссаром Форсайтом во главе. Это посольство, в состав которого входило множество специали-

стов по разным отраслям знания, занялось не столько заключением торгового договора с Якуб-беком, как о том было объявлено официально, сколько другими, неофициальными делами, в том числе изучением Кашгарии и Памира. Особенно подозрительны были «работы» этого «посольства» на кокандской границе во время восстания в 1873-1874 гг. Весьма интересно отметить, что в том же, 1873 году, когда началось Кокандское восстание, одновременно с форсайтовской миссией в Кашгаре, с ведома царского правительства Туркестанский край объездил секретарь американского посольства в Петербурге Скайлер, причем побывал он и в Кокандском ханстве.

Со своей стороны, Якуб-бек не раз посылал свои посольства в Англию, Индию и Турцию. Родной брат самого Якуб-бека, Хамильхан, был назначен кашгарским посланником в Константинополе и т. д.

Все это привело к тому, что англичане быстро признали Якуб-бека правителем Кашгара, «обменялись», — как пишет М. Терентьев, — в 1868 году посольствами с Якуб-беком, подарили ему батарею скорострельных пушек и 10000 таких же ружей... Затем последовало признание новой державы и со стороны Турции, приславшей также посольство. Турецкий султан пожаловал Якуб-беку звание эмира (в этом звании он был признан и Англией — А. П.) и принял его в ленную зависимость: на кашгарских монетах стали чеканить имя султана Абдул-Азиза... («История завоевания Средней Азии», т. II, стр. 330).

Таким образом, обосновавшись в Кашгаре, англо-турецкая агентура начала особенно усиленно плести на территории Кокандского ханства, свою тонкую интригу, пытаясь вызвать там антирусское движение, всячески поддерживала «партию войны» с Россией, подогревала антирусские настроения. Эта агентура направляла свои усилия и против кокандского хана, поскольку он находился под влиянием России, — что было весьма облегчено существовавшим в ханстве недовольством политикой Худояра. Конечно, англо-турецкая агентура действовала скрыто, обычно за спиной Якуб-бека. Не случайно поэтому Корнилов в своем капитальном труде «Кашгария или Восточный Туркестан» говорит о «скрытом влиянии постоянной соперницы нашей в Средней Азии Англии» (СПб, 1903, стр. 37). Однако в архивных документах имеется целый ряд определенных указаний на происки этой агентуры в Кокандском ханстве.

Так, например, царский посол в Турции Н. П. Игнатьев доносил в Петербург в январе 1873 года, т. е. еще до начала Кокандского восстания: «Юная Турция» (т. е. младо-турецкая партия Мидхат-паши — А. П.), равно и английские агенты надеются мало-помалу возбудить враждебные к нам чувства в Средней Азии, пользуясь местным неудовольствием. Нет сомнений в том, что англо-турецким пропагандистам легко удастся со временем нарушить внутреннее спокойствие страны и даже поколебать власть бухарского эмира и кокандского хана, ежели они не подчинятся их влияниям» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6853, лл. 15—16). Видимо, по заданию англо-турецкой агентуры, Якуб-бек еще до Кокандского восстания пытался использовать недовольство населения Кокандского ханства для того, чтобы поднять против хана восстание его подданных. Так, в 1871 году Токмакский уездный начальник в своем рапорте на имя Семиреченского военного губернатора сообщал: «В последнее время мною получено сведение, что сарты (т. е. узбеки — А. П.), подосланные Якуб-беком в Коканд-

ское ханство, успели там возмутить киргиз и часть сартовского (узбекского—А. П.) населения против кокандского правителя Худояр-хана" (ЦИА УЗССР, ф. 11/с, оп. 3, д. 122, л. 14) и т. д. Таких примеров можно привести много.

Итак, действуя за спиной Турции и Кашгара (Якуб-бек), Англия в 70-х годах прилагала все усилия для того, чтобы распространить свое влияние в Кокандском ханстве, вызвать там широкое антирусское движение и воспрепятствовать присоединению этого ханства к России.

Такова в общем была обстановка в Кокандском ханстве к началу 70-х годов XIX века, когда на его территории вспыхнуло восстание.

О характере Кокандского восстания 1873-1874 гг.

Изучение и анализ соответствующих источников совершенно ясно показывают, что Кокандское восстание 1873—1876 гг. имело далеко неоднородный, неодинаковый характер, не одинаковое классовое содержание на всем своем протяжении. В этом восстании следует различать два отдельных этапа или фактически два различных по своему характеру восстания: восстание 1873-1874 гг. и восстание 1875—1876 гг.

Восстание 1873-1874 гг. (или 1-й этап Кокандского восстания) было прогрессивным, освободительным восстанием. Это было стихийное, разрозненное крестьянское движение, не имевшее единого руководящего центра и направленное против эксплуатации и колониального угнетения народных масс Кокандского ханства. Началось это восстание среди киргизов и кипчаков в горах на юге и юго-западе ханства уничтожением ханских сборщиков налога (зякета), который был увеличен в это время в три раза (вместо одного барана с кибитки стали взимать трех). Восстание стало особенно быстро распространяться после того, как Худояр-хан в наказание мятежников начал массовые казни среди киргизов и кипчаков, причем приказал резать и присланных ему заложников. Около 30 тысяч кибиток киргизов и кипчаков откочевали в неприступные ущелья гор. Восстание быстро разгоралось. К восставшим стали стекаться недовольные со всего ханства; начало примыкать к восстанию кипчакско-киргизское население и в других районах ханства, а также озлобленное против ханского гнета оседлое узбекско-таджикское население. Восставшие убивали ханских сборщиков налога, захватывали целые города (например, Узгент, Уч-Курган, Ош, Сузак, Булак-Баши и др.). На сторону восставших переходили зачастую даже ханские войска, посылавшиеся для их усмирения. Продолжалось это стихийное народное восстание, то затихая, то разгораясь с новой силой, с лета 1873 года по начало 1875 года.

В период этого восстания народные массы Кокандского ханства (а частью и эксплуататорские элементы, например, купечество) доброжелательно относились к России и видели в ней своего возможного избавителя от притеснений Кокандских ханов, обращались с просьбами о принятии в подданство России, а при подавлении ханскими войсками отдельных очагов восстания перекочевывали на территории уже присоединенные к России.

Правда, этим массовым стихийным народным восстанием уже в

период 1873-1874 гг. пытались воспользоваться феодальные элементы в своих собственных интересах, в целях укрепления своих классовых позиций. Уже в этот период в отдельных пунктах ханства начали появляться различные претенденты на ханский престол и их сообщники (например, Пулат-хан, Мамыр, Абду-Мумын и некоторые другие лица на Чаткале, Назар-бек у Каратегинской границы, Абду-Керим-бек, Музафар-хан и др.), причем многие из этих лиц еще ориентировались в этот период на царскую Россию. Однако следует подчеркнуть, что эти отдельные, в общем, еще незначительные, попытки феодальных элементов использовать в своих интересах массовое движение не смогли повлиять на социальное содержание этого движения и ни в какой мере не меняют общего прогрессивного, освободительного характера восстания 1873-1874 гг.

Восстание же 1875-1876 гг. (или 2-й этап Кокандского восстания) было, напротив, реакционным, антирусским, феодально-националистическим движением. Началось оно примерно в июле 1875 г. объявлением "газавата" ("священной войны") против России и русских. Реакционные феодально-клерикальные элементы ("партия войны" с Россией) решили воспользоваться недовольством масс и уже происходившим стихийным крестьянским движением в целях укрепления собственных классовых позиций, в целях борьбы с Россией и свержения хана Худояра, признававшего себя вассалом России. 13 июля 1875 года в Коканд впервые прибыло официальное русское посольство в сопровождении отряда казаков. Именно пребыванием царского посольства и казаков в Коканде и решила воспользоваться, как предлогом для начала восстания, "партия войны" с Россией.

Вожаками реакционного движения был объявлен "газават". Ханский сановник Абдурахман-Афтобачи, наследник престола Насреддин вместе с армией открыто присоединились к уже орудовавшему на востоке ханства Мулле-Исааку (принявшему ложно имя ханского родственника Пулат-бека). В числе вожаков реакционного восстания от мусульманского духовенства оказался и приближенный Худояр-хана—Иса-Аулиэ. Основными руководителями восстания были Абдурахман-Афтобачи (предводитель кипчакских феодальных элементов) и Пулат-хан (предводитель киргизских феодальных элементов). Худояр-хан был немедленно свергнут и бежал из ханства под защиту царских властей совместно с прибывшим в Коканд русским посольством и казаками. Кокандским ханом был провозглашен Насреддин-хан (сын Худояра).

Первым делом главарей реакционного восстания после переворота была попытка восстановить Кокандское ханство в прежних границах и изгнать из Туркестана русских. Во все концы территории, уже занятой Россией, рассылались письма и прокламации, призывавшие киргизов, узбеков и казахов, уже принявших русское подданство, присоединиться к восстанию, — ударить в тыл царским войскам, уничтожать всех русских. Одновременно были начаты открытые военные действия против России. В крепости Махрам (на границе с территорией, уже занятой Россией) была сконцентрирована 50-тысячная армия восставших под непосредственным предводительством главарей восстания. Затем кокандские войска вторглись в пределы Ходжентского и Кураминского уездов и двинулись на Ташкент. На пути движения отрядов уничтожались рядовые русские люди (слу-

чайные проезжие, ямщики, смотрители почтовых станций и др.).

Многочисленные данные указывают на то, что за спиной „партии войны“ с Россией и руководителей реакционного восстания орудовала англо-турецкая агентура, которая была причастна, несомненно, и к организации этого восстания. Далеко также не случайно совпадение начала этого реакционного восстания в Коканде с приходом к власти в Англии более агрессивного против России консервативного министерства Дизраэли (в 1874 г. либеральное министерство пало и пришли к власти консерваторы). Был смещен и английский вице-король Индии. На этот пост был назначен консерватор лорд Литтон, взявший в среднеазиатских делах значительно более агрессивный курс.

Чрезвычайно много интересных данных об усилении в это время агрессивного курса английской политики в Средней Азии мы можем найти в инспирированной царской дипломатией книге Ф. Ф. Мартенса, профессора С. Петербургского университета: „Россия и Англия в Средней Азии“, изданной в конце 70-х годов сначала на французском, английском и немецком языках, а затем переведенной на русский язык.

Несмотря на „глубочайшую тайну“, как пишет Мартенс, с которой действовала в это время Англия в Средней Азии, пытаюсь всеми мерами изгнать оттуда, Россию, — в реакционном Кокандском восстании 1875—1876 гг. совершенно ясно видны английские „ослиные уши“. Это восстание было явно инспирировано англо-турецкой агентурой, действовавшей через Кашгар и его правителя Якуб-бека.

После разгрома царскими войсками крепости Махрам и появления фон-Кауфмана с армией под стенами Коканда Насреддин-хану пришлось изменить свою политику по отношению к России: он вынужден был заключить с царскими властями еще более тяжелый договор, подтверждавший вассальные отношения Кокандского ханства к России. Началось замешательство в рядах реакционных главварей восстания. Однако вскоре реакционное восстание возобновилось с новой силой. Насреддин-хан, как покорившийся России, был свергнут и, по примеру своего отца, бежал под защиту царских властей. Ханом был провозглашен Пулат-хан, поднятый на белой кошке.

Тогда царские власти решили подавить восстание вооруженной силой. В восточные (преимущественно, кипчакские) районы ханства, где были сконцентрированы основные силы Абдурахмана-Афтобачи и Пулат-хана, была снаряжена карательная экспедиция Скобелева—Меллера-Закомельского (того самого Меллера-Закомельского, который позже, в 1905 году, залил Сибирь кровью русских рабочих). Эти царские палачи обрушили, однако, свои удары на народные массы Кокандского ханства. На своем пути они сжигали и уничтожали буквально все: города, кишлаки и села, сады и посевы; рубили и вешали всех подряд — и женщин, и детей, и стариков, никому не давая пощады... Эти дикие, кровавые „подвиги“ царских палачей-карателей, естественно, вызвали озлобление народных масс Кокандского ханства, чем не преминули воспользоваться „партия войны“ с Россией и англо-турецкая агентура; народные массы были вовлечены в реакционное, антирусское восстание 1875-1876 гг.

Но даже реакционная, недалекновидная политика царизма, обрушившего свои удары на народные массы, не сделала эти массы со-

чувствующими реакционному восстанию. Значительные слои трудящихся Кокандского ханства принимали участие в восстании с большой неохотой и мечтали о скорейшем возвращении к мирной жизни. Об этом говорят многие данные: А. Серебrenников, например, в своей работе „К истории Кокандского похода“, опубликованной в „Военном Сборнике“ за 1897—1904 годы пишет: „Многочисленный кипчакский контингент... стал расходиться по домам, чтобы обратиться к мирным занятиям, а оседлое сартовское (узбекское—А. П.) население ханства настолько сильно высказалось за безусловную покорность нам и настолько не сочувствовало элементам нам враждебным, что вслед за сдачей Абдурахмана-Афтобачи, Пулат-хан со своей шайкой кара-киргизов должен был тотчас же оставить Маргелан... Но и ему сочувствовали далеко не все кара-киргизы и многие пансаты этого племени были у нас...“ („В. С.“, № 11, 1901, стр. 67) и т. д.

Таким образом, восстание 1875-1876 гг. носило реакционный, феодально-националистический характер, так как имело своей целью укрепление классовых позиций реакционных элементов ханства (феодалов, мусульманского духовенства, военной и чиновной аристократии), было направлено отнюдь не против царских властей, а против русских вообще, против русского народа („газават“), следовательно, было направлено на разжигание национальной розни, и играло в конечном итоге на-руку мировым реакционным силам (прежде всего, Британской империи, а также султанской Турции, являвшейся очагом реакционного, человеконенавистнического панисламизма).

Следует здесь же особо подчеркнуть, что Пулат-хан был, несомненно, реакционной фигурой, выдвинутой на сцену феодально-клерикальными элементами, что подтверждается многочисленными историческими фактами. Несмотря на это, до сих пор делаются попытки идеализировать этого хана (или, вернее, „джетим-хана“, т. е. „лже-хана“), превратить его в народного героя, в руководителя народно-освободительной борьбы масс. Так, в макете первого тома „Очерков по истории Киргизской ССР“ Пулат-хан охарактеризован, как „верный руководитель народного восстания“ (стр. 161). Несомненно, эти попытки идеализировать реакционного хана — отъявленного врага киргизского народа — являются отражением буржуазно-националистических колебаний и должны быть решительно осуждены.

Кто же такой Пулат-хан? Настоящее его имя: Мулла-Исаак-Мулла-Хасан-Оглы. По профессии он мулла, т. е. духовное лицо. Учился сначала в Кокандском медресе, позже в Маргеланском „Ак-Медресе“, где отец его служил муфтием (тоже духовное лицо). Позже занимался торговлей табаком в Кокандском ханстве. Однако эти „мирные“ занятия мало устраивали Муллу-Исаака. Весьма энергичный, авантюрист по натуре, он рвался к более кипучей деятельности. И случай помог ему. В доме крупного ташкентского феодала Абду-Мумина он столкнулся с заговорщиками, которые еще в 1873 году, в период похода фон-Кауфмана на Хиву, в расчете на то, что внимание царских властей отвлечено хивинскими делами, решили произвести дворцовый переворот в Коканде: свергнуть неугодного Худояр-хана и посадить на престол другое лицо. Выбор заговорщиков пал на Пулат-бека, проживавшего в Самарканде и являвшегося сыном известного Кокандского хана Алим-хана. Однако Пулат-бек отказался принять участие в заговоре. Тогда заговорщики охотно

приняли предложение Муллы-Исаака, которое вполне отвечало их интересам, выступить в качестве претендента на кокандский престол под ложным именем Пулата, младшего сына Алим-хана, у которого, мол, незаконно отняли престол предки Худояр-хана. Вскоре же новоиспеченный „Пулат-бек“ (он же Мулла-Исаак) появился среди киргизов в горах Чаткала. Вот как описывает начало его карьеры В. Наливкин в своей „Краткой истории Кокандского ханства“ (Казань, 1886, стр. 215): „Летом 1873 года в северной части Наманганского вилайета, между киргизами колена Кутлук-Сеид, появился новый претендент на кокандский престол, Пулат-хан, выдававший себя за младшего сына Алим-хана. Вскоре же около Пулат-хана собралось до 200 человек вооруженных киргиз. Опираясь на эту военную силу, Пулат потребовал к себе аминов и аксакалов ближайших кишлаков... Они явились с подарками и, трепеща за свое существование, признали на всякий случай совершенно неизвестного им Пулата за хана...“.

Против самозванца Пулата был послан с войсками Абдурахман-Афтобачи, который уже тогда начал закулисные переговоры с Пулат-ханом. В сражении с ханскими войсками под Касаном Пулат был разбит и бежал на Чаткал. „Месяца через два,—читаем далее у Наливкина,—он снова появился в Фергане, но не нашел себе более соратников, а потому снова бежал в долину Чаткала...“. Тогда он решил попытать счастья на востоке ханства. Сколотив здесь при поддержке и помощи Кашгарского правителя Якуб-бека, небольшой отряд в 200 человек, он двинулся из Узгена через Ош на Коканд. Это было 13 июля 1875 г., т. е. в день объявления „газавата“ в Коканде и свержения Худояр-хана. Конечно, это было не просто случайное совпадение, а осуществление единого плана: хорошо подготовленное одновременное выступление реакционных сил ханства, составлявших „партию войны“ с Россией. И счастье улыбнулось авантюристу: он оказался подходящей фигурой, за спиной которой орудовали феодально-клерикальные элементы. После бегства Насреддин-хана он был провозглашен кокандским ханом.

Пулат-хан окружил себя феодальными элементами. Если не считать Абдурахмана-Афтобачи с его окружением, то в числе ближайших сподвижников Пулат-хана оказались такие лица: Абду-Мумын, правая рука Пулат-хана и ближайший его сподвижник, был крупным ташкентским феодалом, в квартире которого произошло превращение Муллы-Исаака в Пулат-хана; Абду-Керим-бек, один из виднейших сподвижников Пулата, был племянником Худояр-хана; Абдул-Гафар-бек также один из виднейших сподвижников Пулата, его представитель в Коканде, был в прошлом Урмитанским беком; Ишахан-тюря, ставленник Пулата в Андижане, был одним из семи ходжей, захвативших в половине XIX века, до Якуб-бека, власть в Кашгаре; одним из этих же семи ходжей был и второй ближайший сподвижник Пулата Валихан-тюря; Календарь-бек, ставленник Пулата в долине Матчи, был и в прошлом, при кокандских ханах, беком; Абдулла-бек, ближайший сподвижник Пулат-хана, в прошлом был также беком и т. д. В числе ближайших сподвижников Пулата было множество феодалов, военной и чиновной аристократии—минбаша, датха, пансаты и проч. Позже, многие из этих сподвижников Пулат-хана принимали деятельное участие в реакционных восстаниях „джетым—ханов“ и Андижанском восстании 1898 года.

Пулат-хан был ярым врагом киргизских трудящихся масс. Безудержная эксплуатация и казни совершались при нем с неменьшей жестокостью, чем при Худояр-хане, о чем свидетельствуют многие архивные документы и другие источники. Таково было действительное лицо Пулат-хана—заклятого врага киргизского народа.

Перейду теперь к вопросу о характере восстаний, так называемых, „джетым-ханов“ („лже-ханов“) в Фергане, которые происходили в последней четверти XIX века.

В это время историческая обстановка в южной Киргизии резко изменилась. Южная Киргизия была включена в состав России, что сыграло исторически прогрессивную роль в дальнейшем развитии этого района. Однако проводившаяся царизмом жестокая колониальная политика, тяжелое национально-колониальное угнетение, двойной гнет, который испытывали трудящиеся массы местного коренного населения и т. д.—все это вело к нарастанию среди народных масс Киргизии недовольства и озлобления против царских колонизаторов. Происходили волнения и даже крупные выступления народных масс против колониального гнета царского самодержавия.

Наряду с этими прогрессивными движениями народных масс были движения и другого порядка—„движения“ в среде феодально-клерикальных элементов бывшего Кокандского ханства, в том числе и среди киргизско-кипчакской феодально-родовой знати. По отношению к этим элементам, не желавшим примириться с потерей своей былой независимости, царские власти проводили политику, направленную на подрыв их экономической мощи и политического влияния. По отношению к мусульманскому духовенству проводилась „политика игнорирования“ и ущемления его интересов. Часть вакуфных земель была конфискована, как и многие земли старой феодальной знати, боровшейся против царской России. Все это вело к тому, что после ликвидации Кокандского ханства феодально-клерикальные элементы остро почувствовали всю невыгоду потери своих прежних привилегий. Особенно же недовольна была своим положением „простых подданных“ многочисленная знать (в том числе и киргизская), оставшаяся не у дел после ликвидации Кокандского ханства (офицерство бывшей ханской армии, чиновничество, ханские вельможи, дворцовая челядь и проч.). Поэтому она, как и мусульманское духовенство, мечтала о восстановлении Кокандского ханства, своей феодальной независимости и земельной собственности. Вот почему бывшая феодально-родовая знать и мусульманское духовенство именно в Ферганской области, т. е. на территории бывшего Кокандского ханства, неоднократно составляли заговоры и поднимали восстания против России. Восстания эти возглавлялись обычно людьми, выдававшими себя за потомков бывших кокандских ханов, а иногда духовенством и облекались в форму „газавата“, т. е. „священной войны“ против „неверных“—русских. Эти восстания носили поверхностный, неглубокий характер, в весьма слабой степени или даже вовсе не захватывали народные массы и легко подавлялись царизмом. Непосредственной целью их было изгнание русских из края и воссоздание Кокандского ханства. В этих восстаниях принимали активное участие (а иногда организовывали и возглавляли их) сподвижники Абдурахмана-Афтобачи и Пулат-хана например, Мамыр в движении 1878 г., Сабыр-хан в восстании 1892 г., казначей Пулат-хана Атакул-Пансат, Алибек-Датха, Умарбек-

Датха и ряд других в Андижанском восстании 1898 г. и т. д. Участниками этих заговоров и восстаний были в основном представители бывшей „партии войны“ с Россией. Подогревала и организовывала зачастую эти восстания англо-турецкая агентура.

В последней четверти XIX в. было около 600 подобных восстаний, заговоров и т. д., причем, царским властям удалось захватить около 50 „джетым-ханов“.

В первое время после подавления царскими войсками реакционного восстания 1875-1876 гг. особенно часто поднимали подобные восстания скрывавшиеся сообщники Пулат-хана, причем, эти восстания следует рассматривать, как непосредственное продолжение восстания 1875-1876 гг. или, вернее, как попытки продолжить это восстание. Киргизские отряды до двух и более тысяч человек непрерывно действовали в горах, окружающих Ферганскую долину. Многие из предводителей этих отрядов объявляли себя ханами и провозглашали „газават“ против русских. Так, например, уже в марте 1876 г. (т. е. через месяц после ликвидации Кокандского ханства) какой-то юрдивый (дивана) Худай-Кул объявил себя ханом, собрав вокруг себя отряд в несколько сот человек. В мае 1876 года ближайший сподвижник Пулат-хана Абдулла-бек провозгласил себя ханом и объявил „газават“ против русских. В июле 1876 г. провозгласил себя ханом другой сподвижник Пулат-хана Абдул-Керимбек (племянник Худояр-хана) и т. д. В 1878 году был раскрыт заговор нового „джетым-хана“, причем, главнокомандующим войсками этого „джетым-хана“ оказался уже известный нам по восстанию 1873 года на Чаткале Мамыр. Заговорщики рассылали воззвания с призывом к восстанию, готовили вооруженные отряды и проч. В 1882 году был снова объявлен „газават“ против русских. В 1885 году в той же Ферганской области началось движение за восстановление Кокандского ханства под руководством Дервиш-хана, а в 1892 году была сделана попытка подобного же восстания Сабыр-ханом — одним из сподвижников Пулат-хана. Наконец, в 1898 году был объявлен „газават“ против русских Мадали-ишаном и произошло реакционное Андижанское восстание и т. д.

Здесь перечислены мною лишь наиболее крупные вспышки движений „джетым-ханов“. Более же мелкие вспышки и просто заговоры происходили в Ферганской области почти непрерывно, причем, некоторые из подобных „движений“ носили анекдотический характер. Об одном из подобных „движений“ сообщает, например, М. Терентьев, в своей 3 томной „Истории завоевания Средней Азии“: „Каковы эти самозванные атаманы-ханы, — пишет он, — можно судить по сарту (т. е. узбеку — А. П.) Султан-Ахмету, арестованному в 1879 году, с четырьмя киргизами, сидевшими с ним в развалинах какой-то курганчи. Он выдавал себя за сына Мадали-хана, уверял, что силою молитвы он может горстью песку ослепить всех русских, и собирался воевать, чтобы завладеть одним каким-нибудь кишлаком... себе на ханство! Военный суд приговорил его к каторге, но главный военный суд признал, что тут налицо только голый умысел, ничем не выразившийся, и потому освободил от наказания...“ (Т. III. стр. 325).

Нечего и доказывать, что эти восстания носили ярко выраженный реакционный, феодально-монархический, феодально-националистический характер. Это были антирусские движения, игравшие на-

руку Англии и Турции, движения реакционных классов за возврат к старому, за восстановление архитотстальной феодальной деспотии.

Национальные движения в Киргизии на втором этапе (в период империализма)

В начале XX века существенно изменились конкретные исторические условия, в которых протекали национальные движения в Киргизии. В это время Россия вступила в империалистическую стадию своего развития; в это время в Россию переместился центр мирового революционного движения; в это время разразилась в России великая революционная буря — первая русская революция. Все это оказало и не могло не оказать весьма серьезного влияния на характер национальных движений в Киргизии. Революция 1905—1907 гг. произвела серьезный перелом в жизни трудящихся масс местного коренного населения. Именно с этого времени начался все более заметный процесс постепенного выхода их из-под влияния байства, манапства и духовенства и все более отчетливый поворот этих масс в сторону сближения с русским рабочим классом; именно в период первой русской революции народные массы Туркестана, пробудившись к политической жизни, решительно вступают на революционный путь борьбы. Поэтому революция 1905—1907 гг. явилась тем рубежом, за которым национальные движения среднеазиатских народов не возглавлялись более феодально-клерикальными элементами, несмотря на них неоднократные попытки захватить руководство ими в свои руки, как это было, например, в ряде случаев во время восстания 1916 года (лишь кое-где, в виде исключения, это им удавалось, как, например, в Джизакском и Тедженском уездах, в некоторых районах Северной Киргизии). По большей части национально-освободительная борьба масс после революции 1905—1907 гг. направлялась своим острием не только против царизма, но и против „собственных“ эксплуататоров.

Революция 1905—1907 гг. оказала серьезное влияние и на поведение эксплуататорских слоев коренного населения Средней Азии: она бросила феодально-клерикальные элементы в объятия царизма. Неслучайно поэтому с началом революции 1905 года фактически прекращаются движения феодально-клерикальных элементов за восстановление Кокандского ханства, прекращаются непрерывные восстания и заговоры „джетым-ханов“ и т. п. Вместе с тем и царское самодержавие, обнаружив смыкание революционного движения среди русских трудящихся масс Туркестана с революционным национально-освободительным движением в среде трудящихся масс местного коренного населения, берет еще более решительный курс на привлечение мусульманского духовенства и верхушечных слоев коренного населения на свою сторону и на создание опоры в этой среде.

Вместе с тем, под влиянием первой русской революции начинаются национальные движения и среди только еще складывавшейся местной национальной буржуазии (джадидизм и алашское движение). Эти буржуазно-националистические, контрреволюционные, буржуазно-либеральные движения оказались чрезвычайно узкими и слабыми (как политически, так и организационно) движениями, почти не задевшими или вовсе не задевшими народные массы Средней Азии. Лишенные поддержки широких народных масс и испугавшись нараставшей революционной борьбы этих масс, джадиды и алашская интеллигенция уже

в период первой русской революции, т. е. с момента своего рождения становятся на контрреволюционный путь, ищут сближения с царским самодержавием, пресмыкаются перед царскими чиновниками и администрацией, помогают им душить революционное движение. После революции 1905—1907 гг. происходит дальнейшая естественная политическая эволюция туркестанских буржуазно-националистических движений (джадидизм, алашское движение) в сторону самой махровой ничем не прикрытой реакции. Это весьма определенно обнаружилось уже в период народно-освободительного восстания 1916 года и, особенно, после Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, под влиянием первой русской революции резко меняется общий характер национальных движений в Средней Азии и Киргизии. И в области национальных движений происходит постепенное размежевание классовых сил; революция 1905—1907 гг., с одной стороны, наметила переход трудящихся масс Средней Азии в лагерь революции, возглавлявшейся русским рабочим классом и его большевистской партией, а с другой стороны, отбросила верхушечные эксплуататорские слои этих народов в лагерь реакционного царизма. Эти процессы происходили и на территории Киргизии.

Перейдем к вопросу о характере восстания 1916 года в Средней Азии и Киргизии.

После поражения первой русской революции, в годы столыпинской реакции, еще больше усилился колониальный нажим военно-феодалного империализма на народы окраин России, в том числе и на народы Средней Азии и Киргизии. Особенно усилилось в это время изъятие киргизских земель в фонд переселенческого управления в северной Киргизии и вытеснение трудящихся киргизов в бесплодные горы, где они были обречены на медленное вымирание. Первая мировая империалистическая война, разрушавшая народное хозяйство России, уносившая миллионы человеческих жизней, привела к еще большему колониальному угнетению и нажиму на народы Средней Азии и Киргизии, откуда во все возрастающем размере выкачивались „на нужды войны“ сырье, продовольствие, скот, деньги и проч. Значительно увеличилось в годы войны налоговое бремя и безудержная эксплуатация масс со стороны русской империалистической буржуазии и „собственных“ феодально-родовых и байско-манапских элементов. В результате приходило в упадок сельское хозяйство—сокращались посевы, уменьшалось поголовье скота и проч. Все это несло тягостные страдания трудящимся массам Средней Азии и Киргизии и резко обостряло недовольство, озлобление и ненависть их к царскому самодержавию и „собственным“ эксплуататорским элементам.

Чашу народного терпения переполнил царский указ о новых поставках—теперь уже о поставках людского материала для тыловых работ в армии, на фронте. И угнетенные массы Средней Азии и Киргизии стихийно восстали, решив бороться, но не давать людей. „Во время империалистической войны,—указывал И. В. Сталин,—сами империалистические группы воевавших держав вынуждены были апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе“ (Соч., т. 5, стр. 37). И борьба началась—началось освободительное восстание 1916 года.

Это было стихийное, разрозненное, разновременное крестьянское (в основном) движение, не имевшее единого руководящего центра и охватившее почти всю Среднюю Азию, в том числе и Киргизию. Озлобленные, доведенные до отчаяния трудящиеся массы, вооруженные чем попало (палками, камнями, ножами, кетменями, серпами, иногда ружьями и шашками), бросались на своих угнетателей—представителей царской власти: волостных управителей, сельских старшин, полицейских, казаков, царских чиновников и с криками: „Не дадим людей!“ расправлялись с ними. Они тут же уничтожали списки мобилизуемых, наивно полагая, что этим они избавятся от набора рабочих. Восставшие поджигали царские канцелярии, дома волостных управителей и старшин, уничтожали царское делопроизводство, нападали на войска и полицию и т. д. При этом важно отметить, что восставшие расправлялись с царской администрацией независимо от национальной принадлежности. Больше всего досталось волостным управителям, сельским старшинам и прочим низовым агентам царской власти, непосредственно составлявшим списки мобилизуемых и обычно принадлежавшим к той же национальности, что и восставшие. Почти всюду, за редкими исключениями (о чем будет сказано дальше), восставшие совершенно не трогали рядовых русских людей, не питая к ним никакого озлобления или ненависти. Таким образом, в большинстве случаев это было ярко выраженное классовое движение. Почти всюду выступления масс руководили представители самих трудящихся; при этом в отдельных очагах восстания выделялись из среды трудящихся выдающиеся руководители движения, как например, будущий большевик Амангельды Иманов в Тургайской области Казахстана, которые сыграли в последующее время значительную роль в установлении Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Именно такой примерно характер носило это стихийное восстание масс в громадном большинстве районов Средней Азии—почти повсеместно.

Таким образом, восстание 1916 года в Средней Азии было направлено своим острием против царского самодержавия—против местных представителей царской власти (независимо от их национальной принадлежности).

Уже с осени 1915 года все больше разгоралось в России пламя рабочего и аграрно-крестьянского движений. Россия вступила в полосу революционной ситуации. Большевистская партия готовила массы к решительному удару по царскому самодержавию.

Начавшись под влиянием этого, все усиливавшегося общереволюционного движения в России, стихийная борьба трудящихся масс Средней Азии в 1916 году смыкалась, таким образом, с борьбой русских рабочих и крестьян, вливалась в общее русло борьбы народных масс России против войны и царизма, подтачивала устойчивость реакционной силы—царского самодержавия и служила одним из звеньев в подготовке февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Поэтому восстание 1916 года в Средней Азии и в Киргизии в основном носило прогрессивный, народно-освободительный характер.

Однако не имея единого руководящего центра, это стихийное движение масс—темных, забытых, не всегда разбиравшихся в том, где действительный враг и где друг,—кое-где использовало реакционными, феодально-клерикальными элементами в своих классовых интересах, направлялось во вред революционному движению. Этим элементам удавалось в отдельных районах Средней Азии захватывать руковод-

ство национально-освободительной борьбы масс в свои руки, направлять недовольство и озлобление этих масс в сторону от действительного источника этого недовольства, и, таким образом, изменять в ряде случаев направление, цели и характер борьбы. Они натравливали отсталые элементы среднеазиатских народов на русский народ, разжигали межнациональную борьбу и в некоторых случаях превращали прогрессивное, антиимпериалистическое, антицаристское движение масс в националистическое, антирусское движение. Вместо того, чтобы бороться совместно с русским пролетариатом и крестьянством против действительного общего врага—царского самодержавия и „своих собственных“ эксплуататоров,—отсталые массы отдельных районов Средней Азии оказывались вовлеченными в межнациональную реакционную драку. А в итоге выигрывали как царские власти, так и эксплуататорская верхушка среднеазиатских народов, а отнюдь не народные массы.

Все это, конечно, шло во вред общереволюционному движению и, наоборот, укрепляло реакционные силы. Таким образом, в отдельных районах Средней Азии, там, где руководство восстанием удалось захватить феодально-клерикальным элементам, превращавшим народное восстание в антирусское, националистическое движение, там оно носило реакционный характер. Так было, например, в бывшем Джизакском уезде Узбекистана, в бывшем Тедженском уезде Туркменистана, в некоторых районах Северо-Восточной Киргизии и в других местах.

Во II-м издании книги Б. Г. Гафурова „История Таджикского народа“ дана совершенно правильная оценка восстания 1916 года в Средней Азии. „Надо строго различать,—пишет Б. Г. Гафуров,—восстания возникавшие стихийно, носившие народно-освободительный характер и восстания, организованные, либо использованные в своих классовых интересах реакционными феодалами, духовенством и другими элементами... „Местные реакционные силы—мусульманское реакционное духовенство, буржуазные националисты и феодалы“ старались натравить отсталые элементы таджиков, узбеков и других народов Средней Азии на русский народ“ („Коммунист“, № 1 за 1953 г., стр. 104). И дальше: „Восстание 1916 г. было стихийным движением и далеко не везде носило народный характер... В отдельных городах и районах Средней Азии агенты германского империализма и турецкого султана делали попытки превратить народные, антицарские восстания в движение против русских вообще. В свою очередь реакционное духовенство, особенно его воинствующая суфийская часть, делало попытку провести восстание под лозунгом „газавата“, „священной войны“, что означало бы поголовное избиение всего русского населения... На афганской и персидской границах были случаи, когда восставшие нападали на ни в чем неповинных железнодорожников, сжигали русские поселки, уничтожали мосты, средства связи и т. д... Таким образом,—заключает Б. Г. Гафуров—при оценке характера восстания 1916 года надо подходить из конкретных условий каждого района Средней Азии“ (стр. 446-447). И это, конечно, совершенно верно.

Вот, например, восстание в Джизакском уезде Узбекистана. Руководство восстанием в некоторых волостях этого уезда захватили феодально-клерикальные элементы. Целью восстания являлось отторжение от России Джизакского уезда и образование самостоятельного

мусульманского государства. Был объявлен „газават“ против России и началось поголовное избиение всех русских, в том числе железнодорожных рабочих, статистиков и прочих ни в чем не повинных русских граждан, причем, не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Около 70-ти женщин было взято в плен, обращено в мусульманство и подверглось надругательствам. Восставшие разрушали железнодорожное полотно и телеграфные линии, сжигали станции и дома железнодорожных рабочих и служащих, грабили имущество, уводили скот и т. д. Восставшие совершали свои нападения на русских под белыми знаменами с религиозными надписями. Ишан Назыр-Ходжа, „духовный“ глава восстания, разъезжал под зеленым знаменем „пророка.“ Такова была в общем картина Джизакского восстания, превращенного феодально-клерикальными элементами в националистическое, антирусское движение.

Такой же реакционный характер носило и восстание 1916 года в Тедженском уезде Туркменистана, (у города Теджена), где руководство движением захватил в свои руки известный феодал, крупнейший землевладелец Азиз-хан, связанный с английской разведкой и ставший позже, уже при Советской власти, одним из организаторов басмаческого движения на территории Туркмении. Здесь тоже был объявлен „газават“, тоже убивали ни в чем не повинных рядовых русских людей и т. п.

Точно так же и в некоторых районах на северо-востоке Киргизии руководство восстанием народных масс удалось захватить феодально-клерикальным элементам, превратившим в отдельных очагах это восстание в реакционное, антирусское, феодально-монархическое, феодально-националистическое движение.

Остановимся подробнее на характеристике реакционных очагов движения, т. к. это необходимо по той причине, что не у всех еще имеется полная ясность в этом вопросе.¹

Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР провел чрезвычайно важную и интересную работу: во все области Киргизии были командированы товарищи для записи воспоминаний участников и свидетелей восстания 1916 года. В результате собрано около 150-ти интересных воспоминаний как киргизов, так и русских. Эти воспоминания целиком подтверждают соответствующие архивные документы о восстании 1916 года и совершенно ясно указывают на особый, отличный от других районов Киргизии, характер восстания в некоторых северо-восточных ее районах.

Что же говорят архивные источники и воспоминания участников и свидетелей восстания 1916 года о характере движения в этих районах Киргизии?

Совершенно ясно вырисовывается реакционный очаг восстания на северо-востоке Киргизии, охватывавший большинство волостей бывшего Токмакского участка и некоторые так называемые загорные волости Пишпекского уезда, а также значительную часть волостей Пржевальского уезда.

В вышеуказанных районах Пржевальского и Пишпекского уездов феодально-родовой верхушке киргизских племен Сарыбагыш и Бугу удалось использовать недовольство и озлобление киргизских

¹ О ходе восстания 1916 года в Киргизии см. статью А. Г. Зимы, помещенную в данном выпуске.

народных масс против царского самодержавия (в частности, против переселенческой политики царизма, лишавшей киргизские массы лучших и уже обжитых земель) в своих классовых интересах и придать начавшемуся народно-освободительному движению совершенно иной — реакционный характер. Руководство восстанием было захвачено в этих очагах манапскими элементами во главе с такими крупнейшими манапами и родовыми вождями, как сыновья известного Шабдана, как Батырхан Ногаев, Канаат Абукин, Султан Далбаев и др. В одном из документов, описывающем бегство киргизов в Китай после подавления восстания, указывается, что среди бежавших через перевал Бедель киргизов 32-х волостей Пишпекского и Пржевальского уездов находится свыше 50 главарей-манапов, главных виновников восстания, организаторов истребления русских поселков (ЦГА Кир. ССР, ф. 75, д. 32, лл. 1—4). Царская низовая администрация, избираемая из среды манапско-родовых и байских элементов (волостные управители, аульные старшины и проч.) не только примкнула к реакционному движению, но организовывала и возглавляла его в отдельных волостях и аулах.

Какие же цели преследовала манапская, феодально-клерикальная верхушка, используя начавшееся стихийное движение масс и превращая его в антирусское движение? Этими целями было отделение от России и создание своего „самостоятельного“ ханства. Осуществлению этого замысла, как казалось, вполне благоприятствовала сложившаяся в то время обстановка: царская Россия, терпевшая поражение за поражением на фронте, была сильно ослаблена войной с Германией; все углублявшаяся хозяйственная разруха, а также усиливавшееся революционное движение народных масс против войны заметно подрывали устои царской монархии; внимание царских властей было отвлечено от далеких окраин происходившей войной и все разгоравшейся борьбой в тылу; к тому же почти все войска были выведены из Семиречья и брошены на фронт; в русских поселках оставались почти исключительно женщины, дети и старики, так как мужчины почти поголовно были взяты в армию; из Семиречья было вывезено на фронт все оружие, обезоружены были и русские поселки. Все это, казалось, вполне благоприятствовало осуществлению широких замыслов феодально-клерикальной верхушки: воспользоваться тревожным настроением масс, натравить отсталые, озлобленные массы киргизского народа на русский народ, перебить всех русских, уничтожить русские поселки и города, сравнять с землей все, что построено русскими (дороги, средства связи, школы и прочие сооружения), отделиться от России и создать свое феодальное ханство. Гакон был план. И манапская верхушка приступила к его осуществлению.

Мокуш Шабданов был провозглашен ханом племени Сарыбагыш. Батырхан Ногаев — ханом племени Бугу. Архивные документы и воспоминания единодушно указывают на Мокуша Шабданова, как на главаря и инициатора всего реакционного движения на северо-востоке Киргизии. Движение началось 7 августа среди киргизов племени Сарыбагыш (Сарыбагышская и Атекинская волости Токмакского участка), а затем, как по сигналу, быстро распространяясь волной с запада на восток, охватило в течение нескольких дней (7—10 августа) восточную часть Пишпекского уезда, часть загорных волостей, кот-

ловину озера Иссык-Куль с прилегающими горами и к 12-му августа докатилось до южной части Джаркентского уезда.

Вот, что сообщает, например, участник восстания 1916 г. сельский учитель Мусашан Жанбаев, по национальности киргиз, 1897 года рождения, ныне работающий в Талды-Суйском райфинотделе. В 1916 г. он был привлечен к составлению списков киргизов для мобилизации их на тыловые работы (воспоминание Жанбаева записано студентом истфака Киргизского Госуниверситета Эмильбеком Абакировым): „Во время первой империалистической войны, — рассказывает М. Жанбаев, — русское население в большинстве было мобилизовано на фронт.. У русских, в их семьях, оставались только женщины и дети, старики... Вся организация и указания о восстании шли и распространялись знатными родов... Я знаю, что штабом восстания был Большой Кемень, где руководителями подготовки восстания были сыны Шабдана — Мокуш, Хисамутдин и Кемель. В начале августа 1916 года организационная работа и разговоры о восстании против мобилизации усилились. В этот период киргизы Иссык-Кульской котловины через курьеров получали всякие сведения из Большого Кемени (т. е. от Мокуша Шабданова — А. П.).... Примерно 5 августа 1916 года Курмантинский волостной управитель Кыдырбай собрал в Талды-Суу население одного старшинства и объявил, что „мы от сыновей Шабдана получили сообщение, что 10 августа будет восстание, поэтому будьте готовы“... Он сказал: „... совместно будут восставать и киргизы Кемени, и Нарына...“ Ногаев Батырхан был главным в подготовке восстания в Пржевальском уезде... Максуд Солтоев, волостной управитель Чонтерека, был посредником между Большим Кемнем (т. е. между Шабдановым — А. П.) и Иссык-Кульскими киргизами в период подготовки восстания... Перед восстанием, примерно 8-9 августа, старшины ездили по аулам и предупреждали о восстании. В обеденное время 11 августа 1916 года Имам Шаменов, оказывается, ездил галопом по аулу и приказывал всем выходить на восстание...“ и т. д. (ИЯЛИ КирФАН, ф. Рукописей, инв. № 1519, стр. 88—102).

А вот, что говорит в своих воспоминаниях участник восстания Иманбай Качкинчиев, по национальности киргиз, 1880 года рождения, в прошлом бедняк, ныне работает в колхозе „Улгу“ (его воспоминание записано студентом истфака Киргосуниверситета Забировым): „Бай и волостные, — рассказывает он о восстании в бывшем Пржевальском уезде, — вернули нас, собрали весь народ и сказали, что будем воевать (с русскими — А. П.)... Всех нас возглавляли бай, манапы и волостные: Мусаев Абдулла (крупный бай), Чекир (бай — ростовщик)... и т. д. (далее идет перечисление фамилий — А. П.)... В это время к нам пригнали (заметьте: „пригнали!“ — А. П.) своих киргиз такие бай и волостные, как Алматаев Сагалы... и т. д. (далее идет перечисление фамилий — А. П.)... Таким образом, нас собралось около 6—7 тысяч. Остановившись возле Ирдыка, поставили шалаш, в котором лежал и командовал Батырхан (Ногаев — А. П.), который себя называл ханом...“ и т. д. (ИЯЛИ КирФАН, ф. Рукописей, инв. № 1519, стр. 55—57).

О том же сообщают в своих воспоминаниях буквально все опрошенные участники и очевидцы восстания всех национальностей: и киргизы, и русские, и узбеки, и татары. Все они подтверждают, что восстанием 1916 года в вышеуказанных очагах на северо-востоке

Киргизии руководили манапы, крупные баи, волостные управители и проч.

Многие данные указывают на причастность к этому реакционному восстанию германо-турецкой агентуры и на связь главарей восстания с этой агентурой. Главарь и инициатор реакционного восстания на северо-востоке Киргизии Мокуш Шабданов в начале 1916 года побывал в Турции (в Мекке и Константинополе), которая находилась в это время в состоянии войны с Россией. Несомненно, он там и получил соответствующие указания и инструкции в отношении организации реакционного восстания. Есть указания в документах на то, что у Мокуша Шабданова во время восстания „гостил“ какой-то переодетый турецкий генерал. К тому же в Семиречье находилось в это время немало военнопленных—турецких и германских офицеров, которые, несомненно, в какой-то мере были причастны к антирусскому восстанию. Например, Музафар Рахимов, участник восстания, сообщает в своих воспоминаниях интересную деталь. Когда восставшие под давлением карательных отрядов бросились к китайской границе, которую не могли перейти, так как она охранялась,—неожиданно из Китая к нам подъехали пять турок, они разговаривали с нами: оказывается, они попали в плен к русским на германском фронте, затем из плена бежали в Китай. После этого здесь произошла перестрелка между бежавшими киргизами и пограничниками: и вот,—сообщает далее Музафар Рахимов,—эти пять турок тоже открыли огонь по русским“. (ИЯЛИ КирФАН, ф. Рукописей, инв. № 1519, стр. 73—74).

Восстановление всей картины существовавших связей между главарями реакционного восстания и германо-турецкой агентурой—вещь чрезвычайно сложная. Однако имеющиеся весьма отрывочные сведения из архивных документов совершенно ясно указывают на то, что германо-турецкая агентура была причастна к реакционному восстанию на северо-востоке Киргизии.

Приведу некоторые выдержки из архивных документов: „На Сусамыре задержан,—сказано в телеграмме Семиреченского военного губернатора от 4 сентября 1916 года,—и сдан Искандерскому приставу германский шпион“. (ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 1138—а, л. 25). В другом документе читаем: „Характерно донесение Пишпекского уездного начальника со слов бывших в плену русских, что мятежниками дана клятва бороться [с] Россией, помогая Германии“ (ЦГА Кирг. ССР, ф. 75, д. 41, лл. 9—10). „Киргизам оказывают содействие,—телеграфировал 3 сентября 1916 г. в Верный начальник Пишпекского гарнизона,—немецкие колонисты и доставляют им провиант... В числе киргиз есть турецкий мулла...“ (ЦГА Кирг. ССР, ф. 75, д. 41, л. 42). Во „всеподданнейшем отчете“ военного губернатора Семиреченской области за 1916 г. сказано: „...что германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев, то об этом имеются достоверные указания в сообщениях наших консулов из Кашгара и Кульджи“ (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1182, лл. 170—198) и т.д.

Хотя в нашем распоряжении и не имеется прямых указаний на объявление „газавата“ во время реакционного восстания на северо-востоке Киргизии, однако очень многие данные бесспорно свидетельствуют о ярко выраженной религиозной окраске этого реакционного движения. Духовенство (муллы) принимало самое активное участие

в подготовке и руководстве антирусским движением, о чем имеются многочисленные сведения. Чрезвычайно характерно отношение руководителей движения к русскому населению. Оно беспощадно истреблялось, вплоть до грудных младенцев и совершенно дряхлых стариков, и лишь при одном непременном условии ему сохранялась жизнь—при согласии на принятие мусульманства. На это со всей определенностью указывают как архивные документы, так и воспоминания участников и очевидцев восстания.

Итак, многочисленные данные свидетельствуют о том, что феодально-клерикальные элементы—манапы и духовенство, захватив руководство восстанием в некоторых районах северо-востока Киргизии, превратили его в этих районах в националистическое, антирусское движение. Киргизские массы, в большинстве своем темные, отсталые, еще в значительной степени находившиеся под влиянием духовенства и своей эксплуататорской верхушки, пошли за этими элементами, так как думали, что идут на борьбу за правое дело—против своих угнетателей. Но удар, рукою реакционных вожаков, был по сути дела отведен от царских властей, которые почти не пострадали, а пришелся по ни в чем не повинным людям, главным образом, по русским женщинам, детям и старикам. Восставшие, под руководством своих вожаков, сжигали села, хутора, пасеки, почтовые станции; уничтожали посевы и угоняли скот, грабили имущество; разрушали дороги и телеграф, сжигали мосты и прочие сооружения, школы и т. п. население уничтожали; девушек и молодых женщин забирали обычно в плен и подвергали насилиям.

Эти действия восставших, естественно, вызвали озлобление среди русского населения. В ответ на расправу с русскими жителями и на уничтожение поселков началась расправа с киргизским населением. Отсталые элементы из числа русских крестьян и горожан, под руководством кулаков и при содействии царских властей, жестоко мстили иногда мирным, ни в чем не повинным киргизам. Так, в Беловодске озверевшая толпа во главе с кулаками убила 517 арестованных накануне киргиз, никакого отношения не имевших к реакционному восстанию. По дороге в Пишпек дружина, сформированная из крестьян, уничтожила 138 конвоируемых ею мирных жителей-киргиз. В Пржевальске и окрестных селах заодно с киргизами и дунганами расправлялись и с узбекским населением, грабили имущество и т. д. Но особенно свирепая расправа с киргизским населением началась в период подавления восстания, когда царские карательные отряды принялись творить жестокую расправу над восставшими, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

Словом, вместо совместной борьбы киргизских и русских трудящихся масс против общих угнетателей, вместо восстания против царизма, в этих районах получилась межнациональная драка. Росли взаимное озлобление и ненависть, увеличивалась межнациональная рознь, выгодные лишь царским властям и манапско-клерикальным элементам.

Впрочем, следует здесь же со всей решительностью подчеркнуть, что обманутая рядовая масса киргизского народа, если и приняла участие в реакционном восстании, то, находясь еще под сильным влиянием манапско-байских элементов и родовых вождей, шла на это восстание с большой неохотой, иногда под прямым принуждением реакционных руководителей, зачастую уклонялась от участия

в межнациональной борьбе, не питала никакой вражды к русским трудящимся; расправу же с русским населением и жестокости совершали обычно представители манапско-байской верхушки. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Это вынуждены были признать даже царские власти. Например, в докладной записке Семиреченского военного губернатора о восстании 1916 г. указывается, что „главари сарыбагышей... применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых“. И дальше: „К счастью, не все население бунтующих волостей было враждебно настроено—среди них не было согласия... Активный элемент часто силою принуждал колеблющихся примыкать к восстанию“ (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1100, лл. 77—85) и т. д. Нежелание рядовой киргизской массы участвовать в реакционном восстании подтверждали и сами вожаки антирусского движения. Так, например, захваченный царскими властями один из главарей восстания крупнейший манап Канаат Абукин говорил на допросе: „Нападали мы преимущественно на село Покровское, как более слабое, чем Токмак. Бойцы шли в бой верхами. Шли они неохотно. Приходилось подгонять сзади нагайками...“ (ЦГА Кирг. ССР, ф. 75, д. 27, лл. 32—36).

Более сознательные лица из массы киргизских трудящихся, видя обман эксплуататорской верхушки, затеявшей борьбу не против царских властей, а против беззащитных русских женщин, детей и стариков, зачастую совсем уклонялись от подобной „борьбы“. Интересно в этом отношении воспоминание т. Курманалы Жузенова—ныне заместителя председателя Талдысуйского райисполкома, коммуниста с 1926 года, который будучи в 1916 году еще 16-летним мальчиком, хорошо, однако, помнит поведение своего отца—участника реакционного восстания. „Вскоре,—рассказывает Курманалы Жузенов,—к нам приехали киргизы и позвали отца, чтобы он тоже к ним присоединился. Итак, отец мой уехал. Но через день он вернулся и заявил, что разве так воюют, что огнестрельного оружия нет, все вооружены пиками и вилами, и кроме убийства женщин, детей и поджога сел ничего не могут делать...“ (ИЯЛИ КирФАН, ф. Рукописей, инв. № 1519, стр. 63). Известен ряд случаев, когда, с другой стороны, русские крестьяне-бедняки, в виде протеста против царского гнета (полагая, видимо, что восстание направлено своим острием против царских властей) переходили на сторону восставших киргизов. Таковы, например, георгиевский кавалер 3-х степеней М. Д. Власенко, С. Коваленко, Ф. Павлов, братья Лобзовы—Тимофей и Афанасий—со своими семьями и некоторые другие. Известно множество фактов, когда киргизы спасали русских во время реакционного восстания и когда, наоборот, русские спасли киргизов во время расправы над ними со стороны царских властей. Об этой солидарности между рядовой массой киргизских и русских трудящихся повествуют как архивные документы, так и воспоминания участников и свидетелей реакционного восстания.

Эта солидарность внизу, между рядовой массой русских и киргизских трудящихся во время реакционного восстания, лучше всего показывает, что рядовая масса киргизского народа отнюдь не питала никакой вражды к русским трудящимся и отнюдь не сочувствовала реакционному антирусскому движению, в которое была втянута помимо своей воли и желания.

Восстание на северо-востоке Киргизии в 1916 году даже внеш-

не весьма резко отличалось от движений в это же время в других районах Киргизии и Средней Азии. Как мы видели, восстание 1916 года почти всюду происходило стихийно, неорганизованно, без всякой предварительной подготовки, как это и бывает обычно всюду с крестьянскими восстаниями, лишенными пролетарского руководства. Не то было на северо-востоке Киргизии. Здесь были весьма заметные признаки подготовки к восстанию и определенной организованности. В горах заранее были созданы мастерские и кузницы для выделки простейших видов оружия (пики, кинжалы и др.), пороха и проч. Заранее скупалось оружие, где только было возможно. Восстание началось почти одновременно (7—10) августа на всем северо-востоке Киргизии по общему сигналу, данному Мокуш Шабдановым. Наступавшие на селения киргизы имели определенную организацию. Шайки киргиз,—читаем в телеграмме начальника гарнизона гор. Пишпека от 13 августа 1916 г.,—в высшей степени организованы, наблюдалось 6 отдельных толп как бы отдельных отрядов...“ (ЦГИА Каз. ССР, ф. Семиреч. обл. правл., оп. 2, д. 16927). В отрядах доставших была налажена сигнализация для передачи сведений о движении царских отрядов и проч. „Киргизы великолепно организовали сигнализацию,—сообщал начальник Пишпекского гарнизона,—едва вышел отряд за город около с. Новопокровки вспыхнул телеграфный столб и появились отдельные сигнальные огни по предгорью...“ (ЦГИА Каз. ССР, ф. Семиреч. обл. правл., оп. 2, д. 16922); „всюду расставлены сторожевые посты,—телеграфировал Куропаткин в Петроград военному министру (3 сентября 1916 г.),—сигнализирующие [о] движении наших отрядов...“ (ЦГИА Уз. ССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1140, л. 115) и т. д.

Так в общих чертах рисуется восстание 1916 года на северо-востоке Киргизии в тех его очагах, где руководство восстанием удалось захватить реакционным, феодально-клерикальным элементам.

Каковы же были реальные результаты, итоги этого восстания на северо-востоке Киргизии?

Если в других районах Киргизии и Средней Азии пострадала в результате восстания 1916 года почти исключительно царская администрация (как русская по национальности, так и из состава местных коренных национальностей), то в северо-восточной Киргизии царская администрация оказалась совсем или почти совсем нетронутой. „Жертвой мятежа“—сказано в докладной записке Семиреченского военного губернатора о восстании 1916 года,—явилось по преимуществу русское население Пржевальского уезда... Убитых должностных лиц туземной администрации не было...“ (ЦГИА Уз. ССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1100, лл. 77—85). Не случайно поэтому Семиреченский военный губернатор в своем „всеподданнейшем отчете“ за 1916 год писал: „На общем механизме управления областью киргизские беспорядки отозвались слабо“ (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1182, лл. 170—198). Таким образом, если в других районах Киргизии и Средней Азии восстание 1916 года расшатывало аппарат царского управления, то здесь, на северо-востоке Киргизии, этого не произошло.

Здесь, в противоположность другим районам Средней Азии и Киргизии, огромный процент убитых и пострадавших падает именно на мирное русское население. Все это весьма наглядно видно из таблицы, приведенной в докладе Окружного генерал-квартирмейстера за ноябрь 1916 года (см. ЦГИА УзССР ф. КТГГ, д. 1222, лл. 5—7):

в Верненском уезде (Казахстан) убито всего 15 человек русских (главным образом, чины администрации и воинские чины); в Джаркентском (Казахстан)—32 чел. убито и 20 пропало безвести; в Пишпекском уезде убито 98 чел. и 65 пропало безвести и, наконец, в Пржевальском уезде убито 2179 человек и 1299 пропало безвести. Итак, около 3½ тысяч по одному лишь Пржевальскому уезду и более полтораста человек по Пишпекскому.

В реакционных очагах восстания материально, как известно, не пострадали ни царские власти, ни манапско-байская верхушка. Манапы, как это видно из документов, переселившись в Китай, прекрасно зажили и там, еще больше эксплуатируя обманутые ими и разоренные массы киргизского народа.

Зато вся тяжесть восстания обрушилась на плечи русских и киргизских трудящихся масс. Помимо бессмысленной гибели многих тысяч людей как из среды русских, так и киргизских трудящихся масс, русская и киргизская беднота оказалась совершенно разоренной и терпела нечеловеческие страдания. Вот некоторые цифры и факты, взятые из архивных источников. Всего по Семиреченской области подверглись нападению, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек,—94 русских селения, причем, в одном лишь Пржевальском уезде было полностью уничтожено 28 селений и 27 хуторов (во всей Иссык-Кульской котловине уцелел лишь гор. Пржевальск и только 2 селения русских!). В этих селениях полностью сожжено и разрушено 5.373 крестьянских двора (в одном Пржевальском уезде—2600 дворов). Только в Пржевальском уезде осталось без крова и без средств к существованию около 8000 семей; в Пишпекском уезде скопилось свыше 12000 беженцев, лишенных крова и всего имущества. Русские крестьяне лишились скота, примерно, на 90%; погиб почти весь урожай 1916 года (вместо 10,8 млн. пудов собрано только 1,7 млн.) и т. д.

Не меньшие, если не большие, тяготы испытало и киргизское трудовое население северо-восточного очага восстания в Киргизии. „В Пржевальском уезде,—читаем во „всеподданнейшем отчете“ Семиреченского военного губернатора за 1916 год,—киргизский скот, исчислявшийся к 1916 году в 2347472 головы, может считаться весь погибшим. В остальных уездах, где насчитывалось свыше 6 миллионов голов, убыль определяется, по предварительным данным, в 30%“ (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1182, лл. 170—198), т. е. погибло, следовательно, около 2-х миллионов голов. Фактически погибло все имущество киргизского трудового населения. Бежавшие в Китай трудящиеся-киргизы были окончательно разорены и массами гибли от голода, холода и болезней. Они были доведены до такого состояния, что вынуждены были продавать своих жен и детей и т. д.

Таковы были некоторые итоги восстания на северо-востоке Киргизии. Но был еще один весьма отрицательный итог: среди трудящихся масс киргизского и русского народов в районе этого реакционного очага восстания, вместо дружбы и совместной борьбы с общими угнетателями, установились неприязненные отношения. Даже царские власти с несомненным удовольствием констатировали этот факт: „Взаимное озлобление, подозрительность и недоверие,—сообщал Семиреченский военный губернатор,—еще долго будут служить серьезным препятствием к установлению мирных, добрососед-

ских отношений (между русскими и киргизами—А. П.)“ (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1100, лл. 77—85).

Зато восстание на северо-востоке Киргизии было на руку реакционным силам—как царскому самодержавию, так и местным феодально-клерикальным элементам.

Народные киргизские массы в этом реакционном очаге восстания были отвлечены от действительного источника их недовольства и озлобления—от их действительных угнетателей и притеснителей. Благодаря этому, на северо-востоке Киргизии, в противоположность другим её районам, а также Средней Азии в целом, не пострадал от восстания, как мы видели, ни один манап, ни один бай, ни один представитель низовой царской администрации из состава местного коренного населения. Фактически никто не пострадал и из царских властей и администрации (русских по национальности). Это был несомненный выигрыш для царизма и местных реакционных сил.

Царские власти в этом очаге восстания получили выигрыш и среди русского населения. Вместо повсюду растущей в это время (1916 год) ненависти и озлобления к царскому правительству со стороны русских рабочих и крестьян в связи с тяготами все продолжавшейся разорительной войны,—здесь, наоборот, благодаря межнациональной драке, получилось нечто прямо противоположное. Царские власти, казаки, полиция неожиданно оказались здесь в роли „защитников“ русского трудящегося населения. На время, как будто, стерлись здесь, притупились, отодвинулись на задний план классовые противоречия между русскими трудящимися массами и царизмом.

Примерно то же происходило и в киргизской среде. И здесь, благодаря межнациональной драке, на время притупились, отошли на задний план классовые противоречия между киргизской эксплуататорской верхушкой и трудящимися массами.

Уничтожение русских поселков и прочие действия восставших в этом районе создали вместе с тем удобный предлог для царских властей к новым захватам киргизских земель и к окончательному вытеснению киргизов в бесплодные горы. Известно, что после восстания в этом районе состоялось решение царского правительства о поголовном выселении киргизов из районов восстания в горы. И только Великая Октябрьская социалистическая революция не позволила царизму осуществить этот преступный акт.

Итак, в общем итоге восстания в реакционных очагах выиграли местные эксплуататорские элементы и реакционный царизм. Это восстание в некоторых очагах на северо-востоке Киргизии привело, в общем итоге, отнюдь не к расшатыванию реакционного самодержавия, не к ослаблению местных реакционных сил, а, наоборот, укрепило эти реакционные силы, объективно помогало этим реакционным силам. Общее революционное движение не только ничего не выиграло от восстания в этом районе, а, наоборот, оно тормозило развитие революционного движения, ослабляло общий революционный фронт и революционный натиск на главного врага—на царское самодержавие. Таким образом, исходя из марксистско-ленинских методологических указаний, следует констатировать, что восстание 1916 года в отдельных очагах на северо-востоке Киргизии носило ярко выраженный реакционный, феодально-монархический, феодально-националистический характер. Эта характеристика восстания 1916 года в указанных очагах на северо-востоке Киргизии полностью

подтверждается как архивными документами, так и многочисленными, только сейчас собранными воспоминаниями участников и очевидцев восстания 1916 года—как киргизов, так и русских по национальности.

Подведем теперь общий итог характеристике восстания 1916 года в Средней Азии, в том числе и в Киргизии. Это восстание было далеко неоднородным по своему характеру, по своим целям, по своим результатам в различных районах Средней Азии и Киргизии. В подавляющем большинстве районов оно носило прогрессивный, народно-освободительный характер и было направлено своим острием против царского самодержавия и отчасти против феодально-байских элементов, смыкалось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против войны и царизма. В отдельных же районах это восстание, превращенное усилиями реакционных феодально-клерикальных элементов в антирусское, националистическое движение, носило реакционный характер.

Так обстоит дело с национальными движениями в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX в.

З а к л ю ч е н и е

В заключение коротко остановимся на некоторых задачах историков Киргизии в связи с изучением национальных и революционных движений.

Историки Киргизии до сего времени мало изучали историю классовой и революционной борьбы, классовых выступлений, совместной борьбы с русским народом и т. д. Они больше занимались всевозможными ханами (Яглакар-ханом, Ормон-ханом, Идыге, Курмаджан-датхой и др.) и их историей, грабительскими феодальными войнами и т. д., спорили о характере этих явно реакционных движений и проч. Занимались и реакционным Андижанским восстанием 1898 года, и реакционным восстанием 1875—1876 гг. в Кокандском ханстве, и восстанием 1916 года как раз на северо-востоке Киргизии, где оно носило реакционный характер и т. д.

Наряду с этим, историки Киргизии почти не занимаются чрезвычайно важными движениями, которые носили классовый, революционный характер. Например, историки Киргизии почти совсем не занимались движениями, направленными против гнета Кокандского ханства (выступления в 1871 году, восстание 1873—1874 гг. и др.). Совсем не занимались и таким важнейшим движением, как революция 1905—1907 гг. на территории Киргизии, которая и для Киргизии являлась „генеральной репетицией“ Октября. В самом деле, что, например, известно о революции 1905—1907 гг. в Киргизии, о ее влиянии на киргизский народ, на изменение характера борьбы после революции 1905—1907 гг. и о подпольной работе с-д групп и большевиков в период этой революции, распространении большевистских листовок и другой литературы и т. д.? Надо прямо сказать: пока почти ничего неизвестно. Огромные архивные фонды (Москвы, Ташкента, Алма-Аты и других городов) остаются в этом отношении почти нетронутыми и еще ждут своего исследователя. Надо этими вопросами заниматься больше.

Или взять, например, восстание 1916 года. Оно почти совсем не изучено вне северо-восточной Киргизии. А между тем, если изу-

чить ход его в других районах Киргизии со всей кропотливостью и тщательностью, то окажется, что оно было там куда более эффективным движением, нежели на северо-востоке Киргизии, так как было направлено не против русских женщин и детей, а против действительных врагов киргизского и русского народов—против царского самодержавия и „местных“ эксплуататоров. Уже разработанные архивные и иные источники (еще далеко недостаточно разработанные!) со всей убедительностью показывают, что восстание 1916 года вне северо-восточной Киргизии было направлено против царских властей и отчасти против „местных“ угнетателей киргизского народа. Надо только заняться этим всерьез, так как это чрезвычайно важная и необходимая работа.

На протяжении всей истории Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. шла непрерывная классовая борьба.

Вот, например, один важный документ. Это—донесение Туркестанского генерал-губернатора военному министру от 10 октября 1885 года. В этом документе описываются „рабочие беспорядки“, происшедшие на каменноугольных коях Залесского (в 40 км от Пенджикента), и в которых главными действующими лицами были киргизские рабочие, они избили штейгера и двух надсмотрщиков, издевавшихся над рабочими, и произвели „беспорядки“ на коях. Вот как описываются эти события в указанном документе: „Недоразумения начались вскоре по прибытии на рудник партии рабочих киргиз, 43 человек... 16 числа, во время работ, один из надсмотрщиков ударил рабочего, тогда все киргизы бросились на надсмотрщика и избили его. 17 числа штейгер Козловский... во время работ пригрозил побить одного из киргиз... тогда киргиз, выругав штейгера, ударил его в грудь и когда хотел повторить удар кайлом—штейгер выстрелил в него из карманного револьвера, причем ранил киргиза в щеку. Затем штейгер скрылся в штольне, но киргизы разыскали его и сильно избили. Поломав часть работ в штольне и в штрэках, разбросав инструменты... киргизы взяли с собой штейгера и надсмотрщиков и, заставив... следовать с ними 22 рабочих из сартов (т. е. узбеков—А. П.), отправились в Пенджикент. Все они (т. е. рабочие-киргизы—А. П.) отказались возвратиться на рудник; из рабочих сартов (узбеков—А. П.) часть вернулась и принялась за работы, а другая часть самовольно ушла в Самарканд“ (ЦГВИА, ф. Аз. ч. Гл. Шт. д. 118, лл. 1—2).

Мы привели почти полностью содержание документа, так как в нем речь идет о весьма важных событиях. Это произошло в 1885 году, у истоков стихийного рабочего движения в Средней Азии.

Надо серьезно заняться историей классовой борьбы в Киргизии. Материалы, несомненно, есть. Их только нужно разыскать. Правда, это сложная, кропотливая работа, но она достойна того, чтобы заняться ею.

Историками Киргизии уже проделана большая работа по изучению истории киргизского народа. Несомненно, большим событием является подготовка впервые систематизированной истории Киргизии дореволюционного периода,—макета первого тома „Очерков по истории Киргизской ССР.“

Несмотря на ряд недостатков макета, проделано все же много.

Историками Киргизии изучены и изучаются уже многие важнейшие вопросы из прошлого Киргизии. Однако предстоит сделать еще больше.